

Память сердца

Мои воспоминания

У каждого человека наступает такой период, когда ты мысленно оглядываешься назад и задумываешься о прошлом. Ставишь себе вопрос: А кто я? Каковы мои корни? Что такое мой род? И каково моё место в нём? Вот так случилось и у меня. Мне вдруг стало невероятно грустно от того, что я мало знаю о своих предках. Кто они были? Как они жили? Что их волновало? Как они стали российскими немцами? Захотелось последовательно и скрупулёзно изучить прошлое, пройти по его следам. И оказалось, что это не так просто. Ведь они были частью народа – российские немцы - и хотя каждый из них был уникален и индивидуален, им было присуще что-то общее для всех. Углубился в изучение своего рода, истории его, истории российских немцев. И только позже появилось желание оставить в виде книги весь мой путь познания. Это будет моё видение истории через историю моего рода. По ходу работы мне говорили: “ Вот ещё придумал! К чему это, зачем? “. А братья, когда я их просил вспомнить какой-нибудь эпизод или вспомнить, как это было тогда-то, прямо мне говорили: “ Да брось ты эту затею, зачем тебе это надо знать и вспоминать? „ Но я не соглашался и им тогда отвечал: “ Мне интересно изучать историю моего рода, а значит и мою тоже, и моей семьи". Эта работа потребовала много времени, много терпения, много душевных переживаний. А стихи Вероники Тушиновой, которые я прочитал на форуме, ворвались в моё сердце, в мой разум, перевернув всё в нём.

«Память сердца! Память сердца!

Без дороги бродишь ты,-
луч, блуждающий в тумане,
в океане темноты.

Разве можно знать заранее,
что полюбится тебе,
память сердца, память сердца,
в человеческой судьбе?

Может в городе - крылечко,
может речка, может снег,
может малое словечко,
а в словечке - человек!

Ты захватишь вместо счастья
тёплый дождь, долбящий жёсть,
пропылённую ромашку
солнцу можешь предпочесть!..

Память сердца! Память сердца!
Где предел тебе, скажи!
Перед этим озареньем
отступают рубежи.

Ты теплее, ты добрее
трезвой памяти ума...
Память сердца, память сердца,
ты - поэзия сама!»

Вот некоторые штрихи из моего пути осознания, долгих размышлений и момента принятия решения.

Всё это было не просто. Ведь я никогда этим не занимался. Но работа захватила меня. И назад пути уже нет. Я вспоминаю... и пишу. Пишу... и вспоминаю.

И об этом не жалею. Что начал писать Мои воспоминания. Я делаю это для сохранения памяти нашего РОДА. Человек, не знающий ничего о своих предках, сам будет забыт потомками. Поэтому я хочу оставить эту книгу будущим поколениям. Моим детям и внукам, в первую очередь. Я думаю, не останутся всё-таки безучастны и мои сёстры, и братья, их дети.

Память – это то, что осталось после наших родителей, после их родителей, наших бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек и так далее, вглубь веков. Память – это то, что останется потом и после нас. Во имя этой памяти я пишу вам строки эти..., эту память сердца.

А с годами это желание – вспоминать о прошлом становится всё острее. Вспоминаешь своих родителей и даже прародителей. Вспоминаются сами собой картинки жизни из детства, которые ты хорошо помнишь сам, вспоминаются и рассказы родителей и старших братьев и сестёр. Всё это вместе с твоими раздумьями просятся на "бумагу". Хочется оставить детям и внукам эти воспоминания. И всем последующим поколениям. Ведь они теперь жители Германии, а с годами история нашей семьи будет забываться. Как мы сейчас многого не знаем из жизни наших предков, так и они потом будут задавать вопрос: "А кто мы? Откуда? Кто были наши прародители?"

Вот и хочу я свои воспоминания о той жизни нашей семьи, которую я помню и знаю, оставить для своих потомков и просто людей, интересующихся жизнью простой семьи российских немцев, которым столько пришлось вынести невзгод и лишений. Итак, путь: ГЕРМАНИЯ - ПОВОЛЖЬЕ - СИБИРЬ - МИНСК - ГЕРМАНИЯ – СИБИРЬ – КИРГИЗИЯ – ЭСТОНИЯ – ГЕРМАНИЯ.

В моём повествовании не всегда будут последовательно описаны эти этапы жизни моей семьи. Ведь мысли не прикажешь, как вспоминать. Она диктует свои правила. И я ей подчинюсь.

Семья в пути

Вспоминая путь моей семьи, я всегда помню, что она – часть народа, называемого российскими немцами. Судьба моей семьи, как и других семей, зависела от политики государства. А она с течением времени менялась, становилась более репрессивной. Отменялись привилегии, обещанные ранее. Росла подозрительность к немцам. Шла плановая русификация нашего народа.

До начала Первой мировой войны в Америку эмигрировало очень много семей из Немецкого Поволжья. Почему? Они боялись потерять свой родной язык, национальную культуру, обычаи, потерять свою национальную идентичность.

А уже позже в 1920-1922 гг. эмигрировали и потомки нашего рода, в том числе и мой дядя Филипп Филиппович Шмидт, 1886г. рождения, старший брат отца и Анна Грета (Annagreth) 1900г. рождения, младшая сестра моего папы. Ну а те, кто остались, сражались в русской армии. Они считали себя гражданами России, а местная власть вершила их судьбу, как хотела. Подозрительность к немцам России выражалась разными их действиями. Были приняты законы, которые ущемили права на землю наших прародителей. А потому сотни тысяч немцев были вынуждены покинуть освоенные земли и переехать в Западную Сибирь и другие места. Но настрадаться-то все они уже успели. Забегая вперед, скажу, что это были только цветочки. Никто тогда не знал, какие ягодки, какие испытания ждут наших российских впереди. Сколько событий произошло тогда! Революция, гражданская война, создание республики в Немецком Поволжье. В Республике Немцев Поволжья была почти ликвидирована безграмотность. Издавались газеты и книги на немецком языке. Казалось бы - всё нормализовалось. Но неправильная аграрная политика молодого Советского государства привела к искусственному голоданию в 1921 – 1924 годах и в 1933 тоже.

Не обошёл голод 1921-1924 годов и мою семью Шмидт. В то время мои родители, Александр Филиппович Шмидт и Елизавета Ивановна Шмидт, уроженка Шпехт, с двумя детьми, дочь - Виктория 09.11.1921г. рождения и сын - Виктор 12.03.1926г. рождения, жили в колонии Зельманн. Когда Виктору исполнилось 4 месяца, родители решились на переезд в Западную Сибирь, а точнее в г. Омск. Это было, можно так сказать, началом эпопеи скитания фамилии Александра и Елизаветы Шмидт. По прибытию в Омск, там ведь нас никто не ждал, начались трудности в поиске жилья и работы. Отцу удалось найти однокомнатную квартиру 12-13кв.м. с большой русской печью. Затем он нашёл себе работу на Омском мясокомбинате, в колбасном отделе, что очень хорошо повлияло на нашу дальнейшую жизнь, в частности на наше здоровье. Ведь после голодовок в Поволжье наша семья стала питаться уже намного лучше. Отец мог там, на работе, по дешёвой цене покупать, хоть и не мясо, но всякие косточки, рёбрышки, из которых мама варила супы. В 1928году и годом позже, в 1929, родились ещё двое детишек – сестра Мария, 06.04.1928г. р. и брат Александр, 27.12.1929г.р. Так как комнатка очень мала была, то спали и играли, в основном, на русской печи, а зимой и подавно (одежды как таковой

почти не было) проводили всё свободное время вместе с тараканами на печи. Эти два маленьких окошечка с одинарным стеклом, что были в нашей комнатухе, были всю зиму покрыты толстым слоем льда, так что в комнате было постоянно темно. Но здесь, в Омске, мы долго не задержались, не знаю по какой причине, родители сказали, что из-за сильных, им не привычных, морозов. Правильно ли было их решение? Не знаю, не мне их судить. Остались бы в Омске, может быть, и не было бы автора этих строк, всё что ни делается – делается к лучшему.

Итак, весной 1930г. семья Шмидт переезжает в более теплый край, в г. Одессу, на Украину. Папа нашёл у фермера, за пределами города, работу скотником, а жили мы у него в сарае, для детей это было идеальное место для времяпрепровождения под открытым небом.

К сожалению, эта радость была недолгой, так как отец не мог себе найти постоянное место работы, а также место для жилья. А потому семья решила переехать в Белоруссию, в г. Минск. Там жил уже наш дядя Иоганнес, младший брат отца, в однокомнатной квартире 16 кв. м., которую он нам и передал, а сам уехал из Минска. Но ненадолго, вскоре он снова вернулся в Минск. Итак, через два месяца пребывания в Одессе наша семья оказалась опять на колесах - из Украины в Белоруссию, от берега Чёрного моря - к берегам реки Свислочь, которая разделяет город Минск на две части. Забегая вперед, хочу сказать, что с этим городом, в котором мы прожили 12 лет, (1930-1942гг), связаны как радостные, так и горькие воспоминания. В Минске родились четыре члена нашей семьи, в том числе и автор этих воспоминаний.

Но все по порядку.

Приехали мы в Минск ночью и, к счастью, оказался рядом единственный перевозчик с бричкой, который и довёз нашу семью до места назначения. До той самой квартиры, 16 кв. м. величиной, в которой пришлось нам прожить ни мало, ни много, а всего-то 12 лет. А к концу 1940г. в нашей семье уже было 8 детей...

Репатриация

...В августе 1945года началась погрузка в телячьи вагоны нас, немцев Поволжья, а также Причерноморья и других российских немцев, которые в силу обстоятельств оказались в Германии. Это было, на мой взгляд, насильственное, нечеловеческое возвращение туда, куда вовсе не хотелось. Не хотелось потому, что всё было свежо в памяти. Была надежда, даже уверенность, что здесь нам будет лучше. Здесь мы – на своей родине. Это была репатриация нашего народа. Она так же жестока и бесчеловечна как депортация по Указу от 28 августа 1941года, когда российских немцев выселяли с Поволжья, Украины и других мест проживания только за то, что они были по национальности немцы. Эта насильственное перемещение имело другой характер, более суровый. Нас считали врагами народа, изменниками родины. Нас так же как и в 1941году загнали (по другому не скажешь) в телячьи вагоны по 40 человек, в полу вагона сделали дыру - это была уборная, окна забили

досками снаружи, на двери вагона повесили замок с пломбой. Состав сопровождали 2 русских офицера и дюжина солдат. Через Германию проехали быстро, а в Польше больше стояли, чем ехали. Каждую ночь наводили в вагоне "порядок". Делалось это таким образом - ночью отворялись двери вагона, стояло два солдата с красными повязками на рукаве и с пистолетами в руке и с криком: «Всем спокойно оставаться, мы из городской комендатуры, делаем обыск, нет ли у кого из вас оружия или тому подобного». При этом один оставался вне вагона с пистолетом, нацеленным на людей, а другой входил в вагон и делал обыск. Всё, что ему нравилось из вещей, он бросал на середину вагона на пол, затем отбирал у людей часы, драгоценности, а вещи, которые сбрасывал на середину вагона, собирал в мешки. Потом они исчезали, не забыв запереть двери снаружи и повесить замок. Утром, когда люди жаловались офицерам на грабёж, те смеялись и говорили: «Скажите лучше «спасибо», что живы остались». Такой грабёж проходил каждую ночь, но уже в другом вагоне. Мы знали, что это были наши охранники, под защитой своих же офицеров. Люди ничего не могли сделать, и теперь мы знали причину нашего долгого проезда по Польше. Когда все вагоны были обысканы (на это им потребовалось 4 недели), подъехали к границе с СССР, Белоруссии, Бресту. Здесь нам пришлось всем выйти из вагона, в поле. Там стояла палатка, через которую надо было всем пройти, здесь посчитали количество людей, отобрали ранее выданные справки и раздали новые, в которых изменили только место назначения. Теперь там стояло Иркутская область (вместо Новосибирской). После двух-дневного пребывания в чистом поле, под обильным дождем со снегом, нам подкатили состав с четырьмя осевыми вагонами (пульмановские), в которые затолкали 120 человек. До Бреста нас вообще не кормили, а тут выдали консервы и чёрные сухари. Теперь удвоили охрану и значительно быстрее, чем по Польше, за неделю, проехали Урал, границу Азии и Европы и оказались в Сибири. В Омске простояли 2,5 дня на товарной станции, где нас в первый раз за всё время нашего насильственного перемещения группами сводили в баню. Это произошло в городе, из которого мы 15 лет тому назад добровольно переселились в Минск. В Омске нам снова выдали провиант, и поезд двинулся дальше. После трёх недель пути от Бреста, ночью, отцепили несколько вагонов, в том числе и наш вагон. Утром, когда стало светлее, через щели вагона спросили проходящих людей, что это за станция. Был ответ – вторая Москва. Затем открылись двери вагонов. Перед нами стояли солдаты с оружием, и последовал приказ: « Всем выйти!». На дворе стоял месяц октябрь, все люди одеты по-зимнему, а мы с детьми – полуголые. Те вещи, которые имели люди, по дороге отобрали наши охранники, но приказ есть приказ. Было холодно, у одного из офицеров был список в руках, и он выкрикивал фамилии. Подъехала «какета», из нее вышел весь в орденах майор Мыжчук. Это был наш господин. Затем подъехали «покупатели» - председатели колхозов на санях. Они выбирали себе рабочих из бездетных семей. Всё это выглядело как в фильмах, в которых продавали рабов. Люди выходили из вагона, становились в шеренгу, проходил его величество-председатель колхоза и кто ему приглянулся, того брал. Было одно отличие от рабов, нам не заглядывали в

зубы и председатель не платил деньги за нас, всё остальное - копия фильма « Осмотр рабов». Ну, а тех, кто им не приглянулся, снова загружали в вагоны. Вся эта процедура длилась до обеда. Люди мёрзли, дети плакали, а эти бессовестные, безжалостные были одеты в полушубках. Как их назвать, не знаю, но они кричали на женщин: «Успокойте своих ублюдков!». Господи, как таких, настоящих ублюдков, земля носила! Всё это происходило на станции Тайшет Иркутской области. Ехали всю ночь, а под утро наш вагон просто отцепили. Поезд же с другими мучениками поехал дальше. Слышим на улице разговор, один спрашивает: «А что в вагоне?». Другой ему в ответ: «Ты что не знаешь, да там фашисты!». Люди-то не знали, кто такие немцы Поволжья и Причерноморья. Что это те немцы, которые принесли в Россию цивилизацию, передовую агротехнику, белый хлеб и многое другое. Они только знали, что это те немцы, которые убивали на фронте их отцов, братьев и сестёр да ещё с рогами. Их ненавидели люди и, когда двери вагонов открылись, то уже стояла толпа любопытных. И мы их очень разочаровали, рогов-то у нас нет, да и выглядим так же, как и они. И дети с нами малые, ведь в фильмах показывали немцев в шлеме и с рогами, а тут? Разочарование было вслух высказано:

« Какие же они немцы? Обманули нас». На лицах людей появилась жалость от вида полураздетых и плачущих детишек. Кто-то сбегал куда-то и принёс одежонку и хлебушка. Мир не без добрых людей. Слава этим людям!!! Нас высадили из вагона, перед нами стоял лейтенант с группой солдат с автоматами на ремне. Он по спискам сверял, все ли фамилии в полном составе. Когда по списку всё сошлось, нас выстроили в шеренгу и шагом марш! Дорога вела мимо конюшен, одна конюшня была пуста. Нас вели дальше в поселковый клуб. Это был посёлок Квиток. В клубе нам и предложили располагаться. Конечно, в клубе ничего кроме деревянного пола не было. Пришёл лейтенант и представился: «Я ваш комендант Белов!». Всем старше 16 лет дали уже готовое заявление, в котором стояло следующее: «Без разрешения коменданта не покидать это селение, при нарушении – 25 лет тюрьмы“. Это надо было им подписать. Такую бумагу надо было подписывать каждый месяц...

Снова в Сибири

Итак, мы – в Сибири, в Иркутской области, в посёлке Квиток. Далёкая Германия осталась в прошлом. Рухнуло всё. Надежды и мечты. Но жизнь продолжалась и надо было жить. Но пришлось выживать. Терпеть, терпеть. Не только физические мучения, но и моральные. Мы были под жёстким надзором, «под комендатурой». Конечно, старшие. Только мы, дети, были ещё «вольные». Поселок Квиток располагался на возвышенности. Кругом тайга, река Топорок протекала совсем близко. Жители поселка были, в основном, раскулаченные крестьяне при коллективизации 1926-1933 годов. Занимались лесозаготовкой и изготовлением строительного материала на большой пилораме. Была в посёлке и мебельная фабрика « Краснодеревщик». По приезду, на следующий день, пришёл охранник и объявил, что каждый должен готовить себе жилье сам. Людей отвели в ту конюшню, что стояла пустой, дали навозные вилы и лопаты.

Нужно было выгрести навоз и очищать своё жилище. Позже привезли доски-горбыль. Комнаты распределяли по боксам (бокс - это то место, где стоит лошадь в конюшне), размер одного бокса примерно 1,5х2,5м. Нашей семье дали 3 бокса, это значит - 4,5х2,5м. Из оставшихся досок сделали вдоль стены нары и соломой их застелили, так получилась комната на 3,5х1,5 м с одним окошком 1,2х1,2м. В ней же и кухонку смастерили. Железную бочку разрезали пополам, между ними положили железный 2см. лист, сверху вырезали маленькое отверстие для трубы, а сбоку в верхней половине бочки вырезали отверстие, куда дрова закладывать, а в нижней половине возле пола, чтоб золу выгрести. Вот и вся конструкция. А то, что копать в этом жилье, никто в расчёт не брал. Ведь мы же были немцами. На эту работу ушло 2 недели. А мы «жили» пока в клубе, спали на полу. На глазах у всех (и никто уже не стеснялся) по надобности ходили на ведро, прямо тут же, как взрослые, так и дети. А куда деваться? Кормились сухим пайком, кто-что и где мог достать, тем и довольствовались. На самих уже и одежды не осталось, всё пришлось менять у местных жителей в обмен на кусок хлеба или картофелину. Трудно всё это вспоминать. Горько и обидно. Но это всё было. Это всё было мною пережито. Наконец-то «новоселье», переехали, устроились. А голод-то морит. Отцу дали работу, конюхом на конюшне, тут же рядом. Пришлось сразу попросить аванс на продукты. Дали. Мои старшие два брата и сестра (Виктория, Виктор и Александр) получили работу на мебельной фабрике, которая находилась в 3 км от конюшен, то есть нашего жилья, на берегу реки Топорок. Виктория попала в лыжный цех, а Александр в цех по производству бочек – бондарем. Виктор приняли в котельную истопником. Топилась котельная опилками и дровами, а смена продолжалась 12 часов. 12 часов подряд нужно было лопатой загружать опилки в топку. Рабочим давали хлебные карточки по 400г, для семьи 1,6 кг хлеба и больше ничего. Хлеб легче было сосать, чем жевать, так как он сильно прилипал к зубам. Это был, конечно, не хлеб, а подобие хлеба. То, что в Сибири зима начинается уже в сентябре, ни для кого не секрет, а мы начинали здесь жить, перенося все тяготы, в конце октября. Вот и новый 1946год. Лютый год. Борьба за жизнь семьи шла полным ходом. Дети, в том числе и я, лежали на нарах вплотную, чтоб хоть друг от друга тепло получить. Наши боксы были крайние. Ветер дул со всех сторон, а от печки было мало толку, только дым глаза жёг. Не было сил даже, чтобы встать. От окошка света почти никакого, а тут ещё и дым, оттого ещё темнее. Мама водички скипятит, а мы и проглотить не можем, глотать-то разучились. Водичка течёт по подбородку, тёпленько, так хорошо. Мама нас соломой укутает, а сверху одеялом накроет, чтобы ветер солому не раздувал. И лежим так днями, без всяких эмоций, в туалет ходить нечем, только кровью. Тогда мама варила солому овсяную и этим отваром нас поила. Стало полегче, отец иногда приносил, под страхом смерти, пару горсточек овса и так нас мама отпоила, что мы начали глотать. Иногда лошадь сдыхала, так отец тайком приносил кусок мяса, которого нам нельзя было есть, но все-таки мы ели. Виктор или Виктория ходили вопреки запрету через Топорок к селению Невельск, которое находилось в 7 км от мебельной фабрики, чтобы там просить милостыню. В Невельске строили японские

заклученные трассу Тайшет-Братск, а им правительство Японии высылало ежемесячно продукты питания. Они делились с теми, кто у них просил. Они знали, что мы - немцы и в каком мы положении. Иногда Виктор, иногда Виктория ходили к японцам, просили милостыню, голод сильнее страха и стыда. Иной раз повезет больше, другой раз меньше, но всегда что-нибудь приносили. К японцам ходили и другие, кроме наших. Виктор ходил, в основном, утром, после ночной смены, вместо того, чтобы спать, отдыхать после 12-и часовой изнурительной работы. Им было ясно - любым путём надо было эту зиму выжить, тогда будем жить все. Спасибо вам, родные мои, за вашу заботу о нас младших. Ванюша, мой братик, (ему исполнилось тогда 13 лет) начал ходить в лес, искать что-нибудь съедобное. Так мы дожили до весны, солнце начало нас греть, мы немного оправились. Иван ставил петли из волоса конского хвоста на зайцев и стал приходить домой с мясом, а позже нашёл поле черемши, так вообще семья оздоровилась. Ведь черемша - это чеснок лесной, состоит из множества витаминов, особенно много в ней витамина С и минералов, которые помогли нашим исхудалым телам окрепнуть. Затем и Анечка с Адольфом стали с Ванюшей ходить по полям, искать что-нибудь съедобное. Картофель, колоски пшеницы собирали. В мае стали собирать березовый сок, у птиц гнёзда просматривали и, если уже были яйца, то домой носили. Одним словом, семья Шмидт пережила зиму и выжила. Вскоре начался сезон пасти коров, за эту должность взялся наш Иван. Должен сказать, что он очень хорошо справлялся со своими обязанностями и не один сезон. Он был прирожденный пастух. Он пас людской скот, не колхозный, здесь колхоза не было. Опыт пастуха ему пригодился позже в колхозе, куда нас принудительно в 1947 году забросили. Наступило лето, а с ним мошка и комары. Чтобы хоть как-то от них избавиться, мазали себе лицо, шею, руки, ноги скипидаром. Тело, конечно, горело от скипидара, но это было легче перенести, чем мошку и комаров. Теперь на смену Ивану надо было уже Адольфу и мне идти. Искать на полях, в лесу что-нибудь съедобное. В лесу появилась ягода-костяника, потому что с косточками была. Чуть позже - земляника, затем - малина, красная и черная смородина, черника, голубика, брусника, ежевика и клюква, а также грибы. Вот какой перечень богатств лесов Сибири. Мы, дети, этими богатствами пользовались всё лето. Хотя и опасно было - змеи, волки, медведи, рыси водились в тайге, но самое страшное было - заблудиться. Из тайги выйти было даже опытному не просто. Но мы хорошо запоминали наставления старших и ни разу не попадали в плохую ситуацию. Этот инстинкт ориентировки сохранился у меня до сегодняшнего дня. Мы собирали ягоды и уже следили за другими ягодами, когда они поспеют. Приносили домой, дома их очищали от мусора и продавали на базаре. Были ведь семьи, у которых не было времени ягоды собирать. Мама варила из ягод варенье, сушила на зиму, а черёмуха - отличное лекарство от поноса. За стакан ягод получали 10 рублей, деньги эти ничего не стоили, было время красных червонцев, коробок спичек стоил 13 рублей. И все - таки, нужно было продавать, иначе не могли себе купить зимние вещи, а они нам ой как нужны были. К зиме удалось-таки купить 3 пары валенок и несколько фуфаяк и ватных штанов. Рабочим давали

спецодежду, которую старшие носили даже по праздникам, а дети могли вперемежку носить валенки и фуфайки с ватниками. Никто не жаловался, что валенки жмут или большие. Зимой нашли новый вид дохода - рыбачить, подлёдный лов. Прорубишь топором дырку во льду и скорей удочку забрасывай, рыба идёт подышать воздухом, а тут на тебе и лакомка висит, цап и на крючке. Особенно рыба налим из семейства сомов хорошо ловился. Рыба эта с усами. Больше всех улов был у Ивана и Адольфа. Рыбалка - это было их хобби. Все эти свои воспоминания я пишу, разумеется, для своих близких. Братьев, сестёр, детей и внуков. Ведь каждая мелочь важна. Эти подробные описания помогут понять то жуткое время. Помогут понять, что главное для нас тогда было выжить, сохранить семью. Мы были лишены детства. На нас лежали заботы – как не умереть с голода. Как не погибнуть, как не замёрзнуть. Это разве можно забыть? Это в памяти осталось на всю жизнь. Вот такое «счастливое детство» нам было уготовано «отцом всех народов»...

По пути скитания

Мои воспоминания. К ним я шёл очень долго. Столько было передумано всего. Столько выстрадано. И их не остановить. Они не последовательны во времени. Потому прошу меня простить, что я пишу так, как думаю, как вспоминается. А потому мы сейчас переместимся в более ранний отрезок времени. Мы в Минске.

У нашей семьи и семьи дяди Иоганнеса Шмидт, живших в 1941 года в Минске, когда все поволжские немцы были депортированы из мест постоянного проживания на Урал и в Сибирь, судьба сложилась несколько иначе. Как? Нас не подвергли депортации, взрослых мужчин и женщин не забрали в труд-армию. Мы побывали короткое время в Германии и на немецкой территории, в Польше, а затем уже в 1945, после победы, принудительно переселили, репатриировали в СССР на спец-поселение. Кто прошел этот путь, можно посмотреть по спискам EWZ на сайте <http://odessa3.org/index.html>

Кому больше повезло, не мне судить.

По оценке выходца из этих мест Г. Лёбзака, в 1921-22 годах на Волге умерло голодной смертью 166 тысяч немцев. А саратовский историк О. Винс, основываясь на архивных данных, утверждает, что жертвой голода стал каждый четвёртый житель немецкой автономии.

Изучив подробно эту печальную страницу в жизни моего народа, поволжских немцев, явственно представил всю трагичность жизни семьи моего отца. Да, именно голод и безысходность ситуации заставили моего отца принять такое решение. Покинуть родину своих предков, покинуть насиженное место, родное Поволжье.

И я несколько не осуждаю его, а наоборот, поддерживаю и принимаю это его решение. Скорее, именно эта трагедия и связанный с ней отъезд в Сибирь послужил началом скитания нашей семьи по бескрайним просторам бывшего СССР. Скорее именно тогда, может, вначале бессознательно вырисовывался путь движения нашей семьи на истинную родину, историческую родину, туда,

откуда когда-то приехали мои предки в далёком 1767 году, в Германию. Но сколько ещё предстояло вынести жизненных невзгод, лишений, мучений, преодоления... Но это была жизнь моих близких, моя жизнь.

Многие российские немцы Поволжья в голодные годы переселялись в разные регионы СССР, в том числе и в Белоруссию, часть из них затем возвращалась обратно, а некоторая часть была застигнута войной, как наша семья, и они попали в Германию. Там они приняли немецкое подданство. После войны возвращены обратно в СССР. В этом числе оказалась и моя семья, семья Шмидт.... Некоторая часть из них всё же осталась с войны в Германии.

А теперь о нашей жизни в Минске. Дом, в котором мы жили в Минске, был деревянным и стоял во дворе, как-бы отгороженным от улицы другими высокими жилыми домами. В нем было 7 квартир, в которых жили 5 немецких, одна русская и одна еврейская семья. Наша квартира была средней, поэтому в ней находилось только одно окно. В квартире был стол и 3 стула, две деревянные кровати, устланные соломой, а в середине комнаты стояла железная печка для отопления, на которой нельзя было готовить пищу. Пищу мама готовила на керогазе. Одну из кроватей можно было растягивать так, что она становилась шире, и на ней спали дети, как говорится - в тесноте да не в обиде. Папа нашёл себе работу слесарем-водопроводчиком, но зарплата была очень мизерная. Потому пришлось и маме взять ещё работу на дом, а именно, стирать бельё для чужих людей. В большом котле на керогазе кипятила она бельё, ведь стиральных машин в то время еще не придумали и стирального порошка тоже.

Главная пища наша была хлеб, посыпанный солью с чесноком, иногда был и чай из сладкого дерева, который рос в Поволжье. Корни этого дерева сушили и с ними кипятили чай. А эти корни присылала нам наша бабулечка Магдалена Шпехт, уроженка Кретчъ из Зелльманна. У детей были большие проблемы в школе, не давался им белорусский язык. Дома ведь говорили на немецком, а на улице – на еврейском, так как мы жили в еврейском квартале. И друзья были немецкой или еврейской национальности.

Поэтому учительница, Наталья Ивановна, решила проверить наше семейное положение. Пришла, увидела, какая у нас комнатуха маленькая да куча детей, один меньше другого, посреди комнаты - котёл с бельём и паром (окно не открывалось), долго с мамой не говорила и ушла. С тех пор она вошла в положение нашей семьи и, жалея Виктора, стала помогать ему в учёбе. В школе детям вдалбливали в их головы, чтобы они дома родителям говорили, что Бога нет и никаких христианских праздников чтобы не отмечали. Чтобы иконы со стен снимали и их уничтожали. Церкви позакрывали, делая из них склады, гаражи и т.п.. Священников расстреливали или в Сибирь высылали, в трудовые лагеря. Вопреки запретам, люди всё равно тайком праздновали и Рождество Христово, и Пасху. Так прошли годы(1934,1935).

Голод постепенно затих и у нас иногда появлялось мясо в супе.

1937год. Тяжёлый год. Развернулась пропаганда против троцкистов, председателем НКВД (Наркомат внутренних дел) был Ежов. Вывешивали плакаты – портрет с изображением Ежова с вытянутой рукой, в ежовых

рукавицах держит раздавленную змею. Смысл этого плаката заключался в том, что нарком Ежов раздавит змею, т.е. Троцкого. Кто был действительным врагом народа, народ в то время не знал. Это было время тотального притеснения интеллигенции, аресты невинных людей, время «чёрного ворона». Он подъезжал к подъезду ночью, энкэвэдэшники врывались в квартиры невинных людей, насмерть пугая спящих детей и взрослых. Забирая их навсегда в трудовые лагеря для стройки больших объектов. Эти люди почти все погибали, их либо расстреливали как врагов народа, либо они умирали на великих стройках в ГУЛАГах. Из нашего дома забрали ночью отцов друзей Виктора - Шерер и Юнгблут, которые тоже были с Поволжья и их больше мы не видели. Нашему отцу повезло. У него была ночная смена, так что нас, детей, только порядком напугали. А отец был предупрежден и с тех пор прятался ночами, если не был на смене, в нашем дровяном сарае между поленницами. Мы, дети, этого не знали, нам нельзя было это знать, иначе мы могли бы ненароком выдать отца, так как чекисты часто детей расспрашивали.

Год 1939 – это год войны с Финляндией - был не особо заметным, продовольствия в магазинах хватало, только водка исчезла с прилавков, что нас не огорчало, водка нужна была на фронте в Финляндии.

Сентябрь 1939 г. ознаменовался нападением Германии на Польшу с запада, а СССР с востока. В стране же объявили, что ничего страшного не произошло, будто мы только подали братскую руку помощи нашим друзьям из Украины и Польши.

Война подошла и к границам СССР.

В городе Минске стоял уже хаос, по радио-громкоговорителю постоянно передавали сводки. А министр иностранных дел Молотов вещал: «Граждане СССР, всё уничтожайте и сжигайте, не оставляйте ничего врагу!» Так люди и поступали. Выли сирены, горели казенные дома, сжигались документы, взрывались бомбы, люди бежали в панике кто куда. Никто не знал, что делать. Начался грабеж, люди тащили всё, что могли вытащить из магазинов, которые уже были разбомблены.

24 июня в городе не видно было людей в военной форме, учреждения были эвакуированы и после эвакуации по приказу Молотова поджигали здания. Город Минск был без управления. Магазины не открывались, город горел, пожар стоял 5 дней. Бомбили в основном важные объекты. Электростанцию, водоснабжение, правительственные здания.

В конце июня немецкие войска заняли Минск. По радио-громкоговорителю объявили и развесили листовки на русском языке - «Населению подчиняться порядку и явиться на биржу труда». Все, кто выходил на работу, получали карточку на пропитание. Отца взяли сразу переводчиком в шутцполицай. На улицах темно, улицы ещё не все очищены от бомбежек. Опасно было. Появились партизаны, убивали тех, кто сотрудничает с немцами. Мы очень боялись за отца. Ввели комендантский час.

Я часто думал об этом отрезке жизни нашей семьи. Правильно ли отец поступал или нет? Но судить не берусь. Отец нёс огромную ответственность за семью. А она у нас была большой. Детей надо было кормить, растить. Война –

огромное испытание для семьи. Как её пережить? Как выжить? Идеологическое воспитание в СССР предполагало жертвенность во имя родины. Много имён звучало, как образец для подражания (Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой и другие), но в реальной жизни было всё сложнее. Война была развязана не простыми людьми, а верхушкой. Гитлером и Сталиным. А каковы её последствия? Историки всё ещё изучают. И тут ещё полно белых пятен. Кроме очевидного. Горя, нищеты, крови и смерти...

Германия. Избавление или путь к новым страданиям?

...Снова вспомнилось. Конечно, я лично этого помнить не мог. Мне не было и двух лет. Но рассказы старших братьев и разговоры в семье не могли не оставить глубокий след в моей душе. И в моей памяти.

Год 1942 начался для нашей семьи неожиданностью и большим изменением в нашей жизни. В начале февраля мы покинули Минск. Навсегда. Предстояла дорога в Германию. Как это случилось? Насильственным я это переселение назвать не могу. Не буду лукавить, но и инициативы от моего отца не было никакой. Мог ли он этому воспротивиться, думаю я? Скорее нет. Но то, что этот отъезд был мучительным для родителей – в этом я уверен на все сто. Нет, мучительна была не потеря родины. Ведь родиной родителей было родное Немповолжье. Которое они давно потеряли, спасаясь от голода. В Сибири они не прижились. Кроме нищеты вспомнить было особо нечего. Да и в Минске, хотя прожили там 12 лет, кроме бедности и труда изнурительного, постоянной тревоги за семью, тоже хорошего вспомнить и терять было нечего. Вот такая судьба. Искали лучшей доли, но не нашли. Как я могу упрекать своих родителей за такой нелёгкий путь!

А вот тяжёлым и мучительным для моих родителей этот отъезд был связан с потерей дочери Марии, моей сестрёнки. Она прямо перед началом войны была определена в летний лагерь «Талька», что под Минском. Там и застала её война. Так мы потеряли её и до сих пор ищем. Как они мучились, сколько было разных дум. А вдруг она придёт в Минск и будет нас искать? Родители всё ещё надеялись на чудо, на то, что Мария каким-то образом может вернуться в Минск к нам. С другой стороны, постоянный страх за отца. Да и семья была в опасности. Ведь партизаны не разбирались, не раздумывали долго, гранату бросили в окошко и поминай как звали. Не хотел бы в то время быть я на месте родителей. Но... в феврале 1942года семья Шмидт покидает город Минск навсегда. Следуя в направлении своей исторической родины, родины предков, Германии. Да, тогда в ней был фашистский режим, она была в состоянии войны с СССР. Но в СССР был не менее жёсткий сталинский режим. И что из двух зол было лучше или хуже, тогда не раздумывали. Простые люди просто жили. Родители нам сказали: «Ну, дети, возвращаемся на Родину!»

А что они ещё могли тогда сказать взрослому детям? Не буду описывать все наши мытарства в Польше и в Чехии, как чехи нас газом отравить хотели, как поляки над нами издевались. 24 марта 1942г, после обеда, пешком нас повели на вокзал, посадили в вагон 7 семей поволжских немцев и

30 мужчин-белорусов. На следующее утро прибыли мы на немецкую территорию, на неизвестную нам станцию, где говорили уже по-немецки. Было воскресенье, утро, день Пасхи. Мама вздохнула и сказала нам:

« Ну, вот мы на немецкой земле, на земле наших предков! Как часто мой папа Иоганнес рассказывал мне о земле, где веками жили наши предки!». Я отлично понимаю, что маме стоило это спокойствие и эти слова. Время-то было военное и непредсказуемое. Никто не мог тогда и предположить, что нас ещё ожидает впереди. Но пока нас встретили люди из Красного Креста. Проявили заботу о нас. В этом тоже что-то было. Напршивается мысль о сравнении. Что-то более нигде нас с такой заботой не встречали. Везде в СССР мы видели обратное и выживать было нашей личной заботой. Я рассуждаю с позиции простого человека, не вникая в политику и чью-то вину или правоту. Любой человек хочет жить. Это не значит, что жизнь любой ценой, даже предательством. Но тут предательства никакого не было. Здесь было стечение жизненных обстоятельств. Тем более «на руках» у родителей было столько детей. Нас поместили во внутренний двор городского совета, но начальство города не знало, что с нами, немцами, делать. Они сообщили о нас областному начальству, хотя было воскресенье да к тому же и Пасха. К полудню подкатил на бричке молодой гауляйтер, пригласил нас, немцев, в помещение и очень вежливо начал нам объяснять:

« По документам из Минска вы числились как рабочие, едущие на заработки в Германию, в списках стоят имена и количество человек, но не стоит, что вы - немцы да ещё с детьми». Как такое могло случиться, он не знает и очень об этом сожалеет. Пообещал после праздника связаться с Берлином и уточнить, что с нами делать. Ведь мы, оказывается, все уже были распределены на работу к фермерам. Нам приготовили еду, всех покормили, а так как был выходной, то Виктор с другими юношами из нашей группы пошёл по городу погулять.

Их удивило то, что ничего не было заперто на всякие замки, не видели ни одного патрульного. Витрины магазинов были украшены и никто для охраны не патрулировал перед ними. Кругом всё чисто прибрано. На второй день Пасхи, после завтрака, приехали на тракторах и на подводах люди, погрузили всех нас и белорусов тоже и отвезли к двухэтажному дому, стоящему на территории поместья бауера. Наша семья получила большую комнату, в которой стояла печь для топки углем, несколько кроватей, полностью заправленных, и всё необходимое для жилья. Получили посуду и немного продуктов питания. На следующий день нам выдали продуктовые карточки и наш отец ушёл на работу. А Виктор с мамой пошли закупать продукты. А так как наша семья была многодетной, а детям давали немного больше на карточки, чем взрослым, можете себе представить, сколько пришлось маме с Виктором нести купленного. Так состоялось наше первое знакомство с Германией. Отец работал, мама с детьми - дома по хозяйству. Но вскоре пришёл приказ собираться опять нам в дорогу. Но куда?...

А воспоминания меня несут дальше. Где тут мои личные ощущения, пришедшие из тех роковых лет, а где чувства, приобретённые при рассказах

членов моей огромной семьи, трудно сказать. И трудно это отделить одно от другого. Я чувствую, что всё это пережил я лично. Как это объяснить, не знаю. Поверьте мне. Итак...Нас снова берёт в свои объятия дорога. Но куда? Снова по вагонам. В направлении города Цвикау. Там снова пересадка в узкоколейный вагон. Прибыли в местечко Линденау, около Цвикау

(Lindenu bei Zwickau). Встретили нас люди из Красного Креста, отвели на заброшенную фабрику, которая находилась в полкилометра от Линденау. Подошёл офицер, поприветствовал нас и пожелал нам всего хорошего. Это был комендант лагеря. Оказалось, что так как мы были все по бауерам распределены, для этой цели приготовили нам эту фабрику. Там была столовая, нам выделили большие помещения для ночлега, в котором были нары с матрацами, наполненные соломой. Кормили не плохо, нам хватало и маме не в обузу. Обычно после завтрака приезжали «покупатели» и брали себе рабочих из мужчин и молодёжи, кому сколько надо было. Так продолжалось до конца мая 1942года. А потом опять в поезд и дальше. А куда, мы не знали. Только на следующий день поняли, что везут нас в направлении севера. После обеда прибыли в Гданьск (Danzig). Вагон отцепили, а мы стояли и ждали приказа выходить. Но его не последовало, а вечером вагон снова прицепили и нас повезли дальше.

Ехали всю ночь. Утром были уже около местечка Кониц под Гданьском (Chojnice bei Danzig). Это была Западная Пруссия. Поселили нас в лагерь, который находился за пределами города. Лагерь был окружен колючей проволокой, в нём находилось примерно 20 деревянных бараков, у ворот стояла вышка наблюдения, от чего нам было уже не по себе. Лагерь был заполнен такими же как мы немцами Поволжья, Украины, Бессарабии. И здесь мы впервые услышали слово “volksdeutsche“. Значит, мы - не немцы, а только люди, принадлежащие к немецкой нации. Это нас смутило. Выходит, мы люди особые, что-то есть в нас такое, чего другим немцам не свойственно. Мужчины работали, где придётся, куда пошлют. 14 августа 1942 года приехала комиссия из министерства внутренних дел для принятия нами немецкого подданства. Отец и Виктор подали заявление. 29 октября наша семья получила документ, подтверждающий, что мы являемся подданными Германии.

Einbürgerungsurkunde(так назывался этот документ), а получил я сей документ по запросу из ЕВЦ / EWZ архива города Litzmannstadt / Лодзь при поиске сестры Марии. Что такое ЕВЦ / EWZ ?

По-немецки EWZ - Einwanderungszentrale, а по-русски - миграционная служба. Здесь мы тоже задержались не долго. Уже в ноябре 1942года, когда мне исполнилось 2 годика, моя семья снова в поезде, направляется в местечко Побьянице. Прибыли мы туда. У черты города стояло несколько высоких домов, в один из которых нас и разместили. Нам дали опять большую комнату с печкой для топки углём, лагерное руководство выделило нам посуду и продовольственные карточки. Так прошёл год 1942. Весь год практически на колесах. Наступил 1943год, и наша семья стала больше. Родился последний член нашей большой семьи, братишка Петя. Он же наш первый член семьи, родившийся за рубежом. Нас, детей, стало опять восемь. Весной 1943 года

семья покидает лагерь, и поезд привозит нас в местечко Заможщ, это там же, в Польше. Надо сказать, что здесь орудовала банда поляков, которая грабила и убивала тех немцев, которых правительство Германии оставило здесь на постоянное место жительства. Ведь немцам отдавали те хозяйства польских фермеров, которые убежали от немецкой власти. Пробывла наша семья здесь недолго, всего несколько дней. Затем на грузовике отвезли нас в местечко Тарноватка, район Томасцев. Это был наш лагерь, так называемый, центр. Нашу семью с двумя другими семьями на подводах повезли дальше в деревню Вепшов, лежащую в 10км от центра. Немного в сторонке от деревни стояла пара брошенных хуторов, в одном из них нас и поселили. Хутор, в котором мы оказались, был еще в хорошем состоянии. Во дворе был скотный двор, сарай и склад дровяной. В скотном дворе находились 3 лошади, 4 дойные коровы, один теленок и 2 свиньи. Пашня, принадлежащая этому хутору, в основном была засеяна пшеницей, ячменем и овсом, остальная пашня была под сахарной свеклой. В соседнем хуторе жила семья, вернее, отец с дочерью с немецкими корнями, его звали Янек, а дочь была ровесница Виктора.

В других хуторах жили поляки. Так как бандиты нападали ночью, о чём я уже писал выше, для хуторов выставляли охрану. В ту ночь дежурили Виктор (он как и отец тоже получил ружьё) с Янеком и папа. Они пошли по наружному периметру осматривать хутора. Мама рассказывала, как двери прикладами разбили, как ворвались три бандита в дом, как согнали всех в комнату. Один нас охранял, а двое других рыскали по дому и всё спрашивали о наших мужчинах, то есть об отце и Викторе. Забрав всё ценное и деньги, они наконец ушли. После этого происшествия отец пошёл к начальству и попросил квартиру в деревне. Там ещё имелись свободные дома, в одном из них мы и поселились. Дом этот был очень старый, с соломенной крышей. В нём было две комнаты и кухня, во дворе был только сарай. Днём они теперь ходили на хутор работать. Но что самое главное - семья была в безопасности. Наступил год 1944. Он стал для нас снова годом на колёсах. Деревню нашу несколько раз опять атаковали бандиты, и лагерное начальство решило семьи эвакуировать. Снова поезд и... на север, в лагерь «Гроттензее / Grottensee» при городе Лодзь. 25 декабря 1944г. семья праздновала Рождество Христово. Мне припомнились наряженная ёлка, песня (*Stille Nacht, Heilige Nacht*) и подарки - большой бумажный мешок с конфетами, пряниками и огромный плюшевый мишка—игрушка, с которой я расстаться не мог даже ночью. Все дети тогда получили подарки. Столько времени прошло, а это моё детское воспоминание всё ещё со мной. Наступил 1945 год.

В ночь на 15 января пришёл приказ эвакуироваться. Об этом узнал наш папа первым, так как он был дежурным на конюшне, а в приказе было предписано готовить лошадей. За день до эвакуации здесь прошла военная группировка, которая оставила подводы с уставшими лошадьми и за этими лошадьми нужен был уход, который и поручили нашему отцу. Ночью разбудил нас отец и приказал нам быстро собираться. Надо было уходить. Начальник лагеря уже распределял подводы, в небе видно было зарево от пушечных выстрелов. Так близко была линия фронта. Немного погодя, подъехал отец к

нашему дому на двух вороных за нами, запряжённых в телегу. Сбоку, с двух сторон, имелись лестницы, благодаря этому вместимость телеги увеличивалась, и родители смогли всех детей на ней уложить. Ведь ночь была. Подъехали к конторе, там распределяли продукты питания по подводам для всех людей, к нам на телегу положили мешок сахарного песка и ящик с искусственным мёдом. Всего было 12 подвод. Секретарша из нашего лагеря была из Берлина. У неё было двое детей, а так как она не могла управлять лошадьми, то попросила Виктора быть её кучером. Обоз тронулся ночью в сторону Германии. Дороги выбирались только просёлочные, ехали днем и ночью, останавливались только для того, чтобы покормить лошадей. На вторую ночь произошло недоразумение.

Вдали показались огни фар и слышны были какие-то нам непонятные звуки. Всем показалось, что это - русские танки. Все бросились врассыпную. Кто куда, паника - страшное дело в таком обозе.

Что отцом руководило, он и сам потом вспомнить не мог. Он не поддавался панике, спокойно съехал на обочину, а так как Виктор ехал следом за отцом, то и он за ним съехал, и они остановились. Шум и свет фар стали отчётливее. Оказалось, что это немецкие танкетки, которые нас, скорее, не заметив, проехали мимо. Когда шум танкеток затих, отец начал созывать остальных. Но... никто не откликнулся. Мы с двумя подводами были одни. Ночь была очень-очень тёмная. Выехали на дорогу, доехали да перекрёстка. А теперь куда? В какую сторону ехать? Решили ехать по дороге, которая по шире. Так проехали мы всю ночь в этом направлении, никого не встретив. Рано утром увидели пару дворов на обочине, подъехали к ним и остановились. Кругом тишина, никого не видно, дома были пусты. В сарае мы обнаружили немного сена и овса лошадям. А самим-то нечего было есть, кроме сахара и мёда ничего нет. Тишина вокруг. Нас это пугало, а потому решили ехать дальше. Вдруг вдали стали слышны пушечные выстрелы. Отец с подводой остановился, что-то почувствовал неладное. Решил, что надо ехать назад. Только мы с подводами развернулись, как нас догнали немецкие мотоциклисты, отец помахал им и один остановился. Это был немецкий офицер. Он объяснил отцу, как нам ехать. Нам нужно вправо с дороги съехать и полем до просёлочной. Она нас и должна была вывести на главную дорогу. Именно она и ведёт на запад. Нам нужно было это расстояние преодолеть как можно быстрее. Чтобы остаться в живых.

Погнали лошадей что есть мочи. «Бедные наши, уставшие лошадки, спасайте нас!» Нам надо было как можно скорее добраться до спасительной главной дороги. В сумерках достигли мы её. И что? Она была сплошь забита беженцами, к которым мы и присоединились. Так проехали всю ночь. Утром остановились в каком-то поселении.

Отец подъехал к одному дому, где хозяева-немцы оказались на редкость гостеприимные. Они нас покормили горячей пищей, которую мы давно уже не ели. У них же отец поменял сахар и мёд на продукты питания и овёс для лошадей. Через 3-4 часа мы двинулись дальше. А через несколько дней пересекли немецкую границу. Папа сказал: «Теперь, дети, мы не в опасности, мы на родине!». Секретарша с детьми попросила, чтобы её довели до ж/д

вокзала. В Берлин она поехала поездом. Для нас, беженцев, от Красного Креста были по всей трассе приготовлены места, где выдавали горячую пищу. Так мы в конце января 1945 года достигли город Коттбус / Cottbus, земля Бранденбург. В Коттбусе пришлось оставить лошадей и дальше передвигаться специальным поездом. Красный Крест сопровождал нас. Так достигли мы города Дрезден / Dresden, земля Саксония. Здесь мы долго простояли. Люди высаживались, а кого-то подсаживали. Затем двинулись дальше и прибыли в Тюрингию / Thüringen. Нас высадили в небольшой деревушке, возле города Гера. Здесь был какой-то лагерь, в котором мы пробыли неделю. Нас хорошо кормили, мы в баню ходили, впервые в жизни помылись в ванной. Это был просто шик. А через неделю опять на поезд. Теперь мы приехали в Лейпциг / Leipzig, но до вокзала доехать не удалось. Здесь мы впервые услышали и прочувствовали сами, что такое американские бомбардировки. Когда бомбить закончили, поезд поехал дальше. В Лейпциге мы долго простояли, здесь нас не приняли, поезд двинулся дальше. Так мы приехали в город Халле /Halle, здесь нас тоже не приняли. Поезд повёз нас дальше, снова в Тюрингию, в город Веймар/ Weimar, но и тут нам не повезло. Или, может, повезло, кто знает? А нас везут дальше. Прибыли в город Эрфурт / Erfurt, главный город Тюрингии. Не далеко от Эрфурта находилась деревушка, куда нас, наконец-то, на машинах туда и доставили. Здесь в спортивном зале мы разместились. Кормили, в баню ходили, всё было хорошо и спокойно. Так прошла неделя. А в конце марта объявляют тревогу, снова американские бомбардировки. Наш лагерь попал под обстрел, было много убитых и раненых. Бомба, которая упала вблизи спортзала, в котором мы находились, к счастью, не взорвалась. Этот случай послужил нашему переселению юго-западнее Эрфурта, в местечко Нойдитендорф / Neudietendorf. Нашу семью поселили в отеле / Gasthaus, в подвале которого было бомбоубежище. Из него мы почти не выходили из-за постоянных бомбардировок. В конце апреля была нескончаемая, длительная бомбёжка. Затем услышали движение гусениц танков или танкеток. И всё стихло. Такой тишины давно не было. А мы сидим в бомбоубежище и ждём. Вдруг дверь открывают снаружи и перед нами стоят чужие люди. И чёрные, и светлые. Это были американские солдаты. Это означало для нас конец войне, конец бомбардировкам, конец страхам. Так думали мы. Потому что мы в Германии, мы на Родине!

С этого момента, с 28 апреля 1945 года, мы перешли на само обеспечение. А это значит, что теперь самим надо было зарабатывать, самим покупать продукты питания, самим заботиться о себе. Отец нашёл для семьи квартиру у фермера Штегенера / Stegener, не далеко от Эрфурта и работу. Ферма находилась вблизи аэродрома.

И через некоторое время семья переехала в дом, находящийся на территории этого фермера. Отец выполнял у него различные сельскохозяйственные работы, Виктор пахал на быках, а Александр(ему уже исполнилось 14,5 лет) помогал отцу. На пропитание нам хватало, детям было где играть, уже не стреляли, стояла тишина и казалось, что жизнь налаживается. Однажды утром, придя на работу, господин Штегенер сказал

отцу и сыновьям: « Дела плохи, русские в Эрфурте». Это повергло нас в шок, отец не мог поверить, что после такого долгого и опасного бегства от русских, они снова настигли нас. Как же так? Ведь американцы заняли эту часть территории, а не русские? Почему вдруг русские оказались здесь? Про конференцию в Ялте, где решался вопрос Германии с участием трёх стран – победительниц

(СССР, США, Англия), мы ничего не знали. Теперь мы опасались попасться на глаза русским. Но беда нас не миновала. Однажды в воскресенье русский офицер со своим адъютантом подогнали свой сломанный мотоцикл к Штегенеру. Он не понимал, что они от него хотят, он говорил, что нет у меня мотоцикла, а те что-то настаивали.

Штегенер уже не знал, как от них отвязаться и позвал отца для перевода. Его оплошность стоила нам жизни. Он потом объяснил нам, что не подумал, чем это может для нас закончиться. Отец объяснил русским, что у шефа нет того, что они требуют. Им такой ответ не понравился, и они начали выяснять у отца, кто он, откуда он знает русский язык. Записал наше имя и фамилию и выдал со злостью, что нас всех в Сибирь отправят. Затем русские обыскали все складские помещения и ушли ни с чем. Пару дней спустя за нами приехали и увезли на сборный пункт в Эрфурт. Здесь мы были ровно неделю, а потом телячий вагон и...началось наше скорбное путешествие назад. Отвезли нас в город Майссен / Meißen. Это был большой лагерь (сборный пункт), который находился за пределами города. Через несколько дней нашего пребывания в этом лагере вызвали родителей и всех старше 18 лет на допрос. Допрашивали люди из НКВД, спрашивали, кто мы, что делали в Германии, были ли на службе у вермахта / Wehrmacht. Затем отобрали немецкие паспорта и выдали справки нового местожительства. В августе 1945года русскими началась погрузка в телячьи вагоны немцев Поволжья, Причерноморья и других российских немцев, которые в силу обстоятельств оказались за рубежом, и их насильственное возвращение в СССР. Вот такой путь прошёл я и моя семья. Рассказал всё правдиво и искренне. Несмотря на то, что в эти трудные военные годы и в Германии было не сладко, мы видели совершенно другое отношение к людям. Сразу вспомнилось, что пережили в это время российские немцы, оставшиеся на территории СССР. Они прошли через депортацию, трудовую армию, а если точнее, концлагерь. Через унижение, голод, холод и оскорбления. Это в своей стране, гражданами которой они были. Зная это, можно ли осуждать российских немцев, оказавшихся в 1941 на оккупированной территории, их переселение в Германию, принятие подданства Германии и их шоковое состояние, когда их и там настигло вездесущее НКВД? Я думаю, нет. Война закончилась, но дорога на Голгофу была свободна. Ей открыли зелёный свет. Мы снова в пути. Бедные мои, несчастные родители! Сколько же вы перенесли лиха. Как трепетали ваши сердца за нас, ваших детей. Какая есть мера, чтобы ею измерить все страдания, которые выпали на долю российских немцев. Где бы их война ни застала. В СССР или Германии. Везде они становились разменной монетой. Только сегодняшний день расставил все точки

над і. Но от этого не легче. За спиной большой путь. Он уже прожит и назад его не вернуть...

Снова Сибирь. Я в плену воспоминаний

...Воспоминания меня унесли опять в Сибирь. Опять туда, где мои родители уже побывали, спасаясь от нещадного голода в Поволжье. Но теперь мы там были уже в другом статусе. Мы были – репатрианты. И хотя об этом периоде я уже вспоминал, о том страшном, тяжёлом 1946 годе, когда наша семья еле выжила. Особенно мы, маленькие дети. Но мысли бегут дальше. Мне уже 7 лет. И я всё отлично помню сам. Как всё было. А было это так.

Наступил год 1947. К зиме мы кое - как сумели подготовиться, морозы были уже не такие сильные, как в прошлом 1946, да и в семье было теперь уже 5 пар рабочих рук. В начале года была денежная реформа, никуда негодные красные червонцы сменили, была отменена карточная система. Теперь можно было за 3 руб. 60 коп. купить булку чёрного хлеба. Хлеб пекли из смеси ячменя, кукурузы и ржаной муки. В то время этот хлеб казался нам лучше и желаннее чем сегодня пирог. Так мы пережили страшный голод, хотя про мясо, сахар и жир не могло ещё быть и речи. Казалось бы, жизнь налаживается, всё улучшается. Но не так всё просто было.

Изменения ждали нас и здесь. Летом 1947 года пришёл приказ (опять приказ, опять неволя): «Собирайтесь! Поедете в колхоз!» Нас и еще 8 семей погрузили на платформу, это открытый вагон, на котором возят песок. Ехали всю ночь и утром прибыли снова на узловую станцию Тайшет, где мы в октябре 1945 года уже побывали. За нами приехали повозки на лошадях, подошёл председатель колхоза 18 партсъезда, представился. Это был Охотко Иван Тимофеевич. Сообщил, что повезут нас в деревню Пролетарка. Наши конвоиры из Квитка передали нас председателю колхоза (будто вещи, забрали, передали...), расселись мы по подводам и поехали к новому месту. Дорога шла, в основном, по тайге, пересекли реку Бирюса, про которую песня сложена: « Там где речка, речка Бирюса, ломая лёд, шумит, поёт на голоса ». Примерно через 40 км добрались до нашей деревни Пролетарка колхоза «18-ый партсъезд». В деревне было 30 домов, из них половина стояли пустыми. В колхозе был коровник, конюшня и несколько сараев, а также контора, школа, клуб и ветряная водокачка. Но не было магазина и медпункта. Нам дали дом посередине деревни. Дом состоял из одной комнаты, без перегородок, русская печь и 4 деревянные кровати, полные клопами. Никаких постельных принадлежностей не было. Дому принадлежал участок земли в 100кв.м., заросший бурьяном 10-й летней давности. Колхоз выделил нам авансом 16кг муки и соли. Мука была с отрубями и с горьким привкусом залежалости. Принесли солому из колхозного двора, застелили кровати ею, так и расположились, ведь взрослым завтра, с утра, уже надо было на работу.

Был сезон сенокоса и надо было во время заготовить сено на зиму. Работали по 14 часов, от темна до темна. Из-за того что не хватало техники, косили вручную, сено ворошили вручную. Затем на волокушах (это было

примитивное устройство - срубали 2 березки, толщиной 7-8 см, ствол служил оглоблями, а крона вместо телеги, на нее и набрасывали сено) возили в кучи и складывали в копны. Для рабочих варили обед, называемый «баланда», прямо в поле. Баланда - проста в приготовлении. В кипящую воду при постоянном помешивании добавляется мука, вот и всё - похлебка готова. Пока взрослые были на поле, мы, дети, занимались заготовкой на зиму. Как и в Квитке, здесь тоже лес-тайга, а в тайге много всяких ягод, грибов, собирай только, не ленись. Этим мы, дети, и занимались. Кроме ягод и грибов собирали мы после уборки урожая с полей колосья зерновых, картошку, брюкву, турнепс. Это был наш вклад в семейный бюджет. Взрослые в суровом 1946 году нам жизнь спасали, теперь мы им помогали, как могли.

Взрослые работали от темна до темна. Когда им было запастись продуктами на зиму? Это - во-первых. Второе - за их труд они не получали расчёт. Бригадир начислял им трудодни в виде палочек. В конце года, когда урожай снят, колхоз должен был сдать государству в соответствии с выставленным планом зерно, засыпать в амбары для посева весной. А больше там ничего и не оставалось. Вот таков был наш социализм. Вот такое было отношение в нём к человеку. На поле еще оставались зерновые, но уже снег пошёл, скосить косами не успели, зерно промерзло. Вот тогда и гнали на покос зерна по снегу, заявляя: «Если есть хотите, то берите с поля, пока совсем не замело!»

Что было делать? Шли и косили промёрзшую пшеницу, тут же молотили. Сметали на гумне после молотилок остаток зерна с мусором и частично с землей - вот это и выдавалось колхозникам на трудодни. Пока дома просеешь да провеешь на ветру, половины нет. Сколько зерна оставалось под снегом, но план то выполнен. Колхознику ничего и не доставалось. Страшно вспоминать то жестокое время. Такое не забывается. И разве оно не сыграло роли в принятии решения уехать из СССР. Сыграло тоже. Отношение к человеку здесь всегда строилось на чёрствости и бездушии. Такой здесь всегда была власть, такой остаётся и по сей день, судя по репортажам в СМИ. Председатель за выполнение плана получал премию, а колхозники ничего. На следующий год план увеличивают уже и в 2,5 раза. И опять выполняют его. А то, что людям есть нечего, никого не интересовало. Я думаю теперь вы поняли, что если бы не дети, то и взрослые пухли бы с голоду. И всё равно было очень голодно. Обычно с ноября до конца марта молодежь отправляли на лесозаготовки, так как в колхозе зимой работы мало. Там они жили в бараках. Лесоповал шёл вручную, то есть пилой, топором. В то время бензопилы ещё не было. Нормы были высокие, морозы сильные и снег до 2м высотой. Да к тому же кормили очень плохо. Давали хлеб, сахар и иногда комбиджир. Попробуй, выполни норму! И все-таки люди старались. Ещё смотря какой лес попадался. Иногда выполняли норму, ведь за это выдавали расчёт деньгами, которых мы в колхозе не видели. Весной мы ждали наших «командировочных» с большим нетерпением. Мы знали, что они привезут нам подарки. Весной 1948 года привезли к нам 10 семей литовцев. Теперь деревня Пролетарка была полностью заселена и при том на 3/4 людьми католической веры. На работу гнали ведь

каждый день, власть церковные праздники не признавала. Теперь положение несколько изменилось, и люди взяли на себя смелость на праздник Пасху на работу не выходить. Председатель Охотко негодовал по этому поводу и даже отправился в Тайшет за нашим комендантом. На следующий день прибыл и комендант. Мыжчук собрал людей и началось...: «Вы здесь не для того, чтобы праздники справлять, вы на принудительной работе, а отказ от работы мы расцениваем, как подрывную деятельность и в следующий раз попадёте в тюрьму. Вы сюда сосланы навечно, навечно! Я вас здесь сгною!» Майор подметил, чтобы мы здесь соблюдали русские обычаи, советские, так как нам здесь вечно жить. Председатель остался очень доволен этой проработкой. Майор уехал и всё стало на свои места. Но мстить Охотко не прекращал, как так мы ему не подчинились. Надо сказать, что он по профессии был кузнец и в сельском хозяйстве ничего не смыслил. К тому же был пьяница, хотя и коммунист. Пропивал все доходы, которые принадлежали колхозникам. За досрочное выполнение плана, за добротное качество зерна или за другие поощрения. Ездил в центр за получением премии и возвращался ночью пьяным. Приказывал сторожу всех поднять на ноги и гнал людей на работу. А если люди не шли, то снова обращался к коменданту с жалобой.

Таким образом, он надеялся, что нас осудят. Но случилось другое. Нашу семью и семьи Лейер, Клуг, Венц и Вольф перевели в дочернюю деревню Соломенка. Там управлял только бригадир с именем Южанин. Не прошло и два месяца, как к нам снова приезжает председатель, но другого колхоза. Нашу семью на полуторке отвезли в деревню Пишет. В колхоз входили тогда три деревни. Центр колхоза располагался в деревне Пол-Черемхово. Там была семилетняя школа, которую я и окончил в 1954 году. Между этими двумя деревнями, примерно на полдороги, лежала деревня под названием Широкий лог. Колхоз назывался «20-ый партсъезд», председателем которого был И.П. Соломович. В Пишете же был только бригадир Захар Белоглазов. Комендантом был Клеменков, но контора его находилась в центре. В Пишет нас привезли осенью 1950 года. Вот так и здесь, в России, всё время на колёсах. Перебрасывали с места на место. А ведь у нас была огромная семья. Каждый переезд стоил нам здоровья. Ведь на новом месте надо было снова обживаться и выживать. Бороться с холодом, голодом, решать вопросы быта. Шли годы и надо было жить. С горечью в сердце. С обидой в душе. Накапливались эти чувства постепенно, мучительно, больно, приближая осознание решительного шага – навсегда уехать из СССР. Но до этого ещё очень и очень далеко...

Моя семья. Как дорога мне ты

И снова я в прошлом, и снова пошли воспоминания. Хотя пишу больше о грустном, но вспоминать мне приятно. Потому что это была наша жизнь. Я рос в большой семье, где все заботились друг о друге, любили друг друга. Делали всё возможное и даже невозможное, чтобы выжить, никого не потерять. Мне приятно всё это вспоминать, потому что в этом калейдоскопе мелькают странички с моими дорогими родителями. С моими братьями и сёстрами. Там я

рос и познавал жизнь. Непростую. Тяжёлую. Но обо всём по порядку. Деревня Пишет располагалась на косогоре, внизу протекала речка. Не помню названия её, была там и узко-колейка. Сама деревня состояла из двух рядов домов и широкой улицы, которую в середине пересекала дорога, ведущая в Пол-Черёмхово. На той стороне дороги, которая вела в Пол-Черёмхово, стоял дом. В нём был магазин, при доме этом же жила продавец Бородина. С её сыном Володей я дружил. На другой стороне дороги, через улицу, стоял дом, половину которого занимал клуб, а другую половину - амбар. Мы жили напротив клуба, через дорогу. В деревне было два глубоких колодца, конюшня, скотный двор, амбары и школа. В этой деревне не было пустых домов. Вот и встал вопрос - куда же нас поселить?

Как я уже упомянул, напротив клуба стоял деревянный домик, в первой половине дома был колхозный амбар, а на другой стояли больные лошади. На той половине, где был амбар, поселили семью Гудас и Ремпель. Ну, а нам не привыкать, естественно, дали конюшню. Пол был местами прогнившим, жильё не для людей. Навоз убрали, по стенкам сделали нары, поставили печку-буржуйку. Было окошечко 0,5 х 0,5 м с одинарным стеклом. Зимой оно зарастало льдом до 30см толщиной. У местных жителей были во дворе амбары, погреба, а нам куда класть заготовки на зиму? В комнате в полу вырезали дыру 100х50 см, землю из-под пола выбрали 2,5-3м глубиной, устлали соломой, положили туда картофель и опять соломой обложили, вокруг и сверху. Иногда картофель подмерзал. Это, в основном, была задача детей, мама успевала только стирать, шить, латать нам одежду да готовить пищу. Короче – все повторилось, как в Пролетарке. Опыт уже имелся. Взрослые, кроме работы в колхозе, не могли нам помогать, они и так приходили «убитыми» домой, поздно вечером, а утром на заре уходили. Прямо на колхозном дворе отгородили себе участок, так 25х15м, и сажали мелочь. На нём сажали красную свеклу, помидоры, огурцы росли на навозной куче. В пол-метра высотой, чтобы снизу тепло было. Навоза было достаточно. Сеяли укроп. Собирали травы для заварки чая, их сушили много на зиму. На зиму заготавливали и соленья. В деревянных бочках солили огурцы, помидоры, капусту, грибы. Клюкву и бруснику хранили в сухом виде, в бочке. Всё это хранилось в сенях, где не отапливалось. Все бочки для соленья и хранения, которые были в нашей семье, изготавливал наш бондарь. Саша делал с Иваном дранку из сосны. А делали это так. Выбирали для этой цели сосну стройную. Вырезали со ствола куски длиной 1,5-2м. Затем при помощи топора, колуна и деревянных клиньев разрубали ствол. Сначала пополам, затем на четверть. Из четвертей делали 1-1,5см. дранку. Загибали на нужный изгиб и так фиксировали. Когда дранка высыхала, то оставалась уже гнутой. И всё это они придумали сами. Вот такие у меня смекалистые братья. Настоящие рационализаторы! А ведь как это важно было для нашей семьи. Это тоже один из способов выживания. Не зря говорят - немец, что верба. Куда сунешь в землю, там и прорастёт.

Варили варенье. А под картошку получили на окраине деревни участок в 30 соток. Там приходилось нам свиней гонять. Иначе перероют всю картошку.

В деревне скот гуляет повсюду, где ему вздумается. Забудут двери в клубе закрыть, утром там и овцы, и телята, и свиньи, и птица разная, в общем, кому не лень. Вот скоту раздолье! К этому времени наш Виктор женился на Дануте, ему было тогда 24 года, а Дануте 19 лет. Виктору дали хомуталку. Это была бревенчатая избушка размером 2,5 х 2,5 м, в которой хранилась конская сбруя. Аня, Адольф и я пошли в школу. В школе было 10 парт, по 5 в два ряда. За партой сидели так: ученик 1 класса, а рядом сидел ученик из 3 класса. Следующий ряд - 2 класс и 4 класс. Мы были уже в 4-ом классе. Адольф и Аня закончили только 4 класса, а я на следующий год пошёл в пятый класс. Ходить в 5й класс в школу приходилось далеко. Марья Ивановна, наша учительница, была для всех 4-х классов одна. Она была справедливой и чуткой женщиной. С пониманием относилась к нашей бедности. Если у нас в одежде были иногда дырочки, старалась это не замечать. Она понимала, что наша мама просто не успевала их залатать. Материал переносный быстро рвался. Как-то выпросил папа у бригадира Захара свободный день и лошадь с повозкой, чтобы съездить на базар купить детям одежду. Загрузился картошкой, капустой и поехал в рабочий поселок Юрты на базар. Базар был не близко. В 15 км от нашей деревни. Взял меня и Петю с собой. На базаре мы быстро всё продали и поехали в магазин за покупками. Так, впервые я увидел магазин изнутри. Папа купил мешок сахара, мешок муки и перловки. Так называлась пшеничная крупа. Затем купил материала нам на штаны и рубашки и на платья девочкам. И две пары обуви для школьников. Ане туфельки и одну пару нам с Адольфом.

Какая это была радость, когда мама сшила нам новые штаны и рубашки. Наша мама была такая мастерица! Она всё могла, всё умела и кроить, и шить. Ей приходилось своими руками делать и грубую работу, и тонкую.

Я помню твои руки, мама. Огрубевшие от безмерной работы, но такие нежные. Ты ласкала нас ими, своими натруженными руками. Ты не спала ночами возле нашей кровати, когда мы были не здоровы. А тебе так нужен был отдых. Ты ободряла нас, когда мы огорчались от неудачи. Ты радовалась, когда у нас было всё хорошо. Ты проживала нашу жизнь сама, отнимая у себя порою мелкие и редкие радости. Твоя радость была в нас.

А я всё вспоминаю и вспоминаю. Это было в Пролетарке. За нами, детьми, был прикреплен огород. Надо было его полоть, перекапывать, картофель сажать, а осенью выкапывать. Были и другие огородные работы. С вечера нам завешивали одеялом окна, чтобы мухи нас не доставали и раннее солнышко не будило, чтобы дать нам подольше поспать. Мама поднималась рано утром, готовила нам завтрак. На стол поставит всё и своим мягким голосом начинает песенкой нас будить. И вообще, она очень любила петь, особенно молитвенные песни. Бывало сядет на пол, ноги босые свои вытянет и запоёт. А мы у её ног рассядемся и вместе с ней поём. Жили бедно, но очень дружно. А как мы, дети, с мамой, стоя на каленочках, молились Богу. Она нас всех научила «Отче наш» на немецком языке и другие псалмы из молитвенной книги. Привезли с собой из Германии книгу «Сказки братьев Гримм». Написана книга была старым немецким готическим шрифтом. Сколько сказок она нам читала, когда нам очень плохо было, чтобы как-то облегчить наши страдания. А позже научила и

нас эту книгу читать. А сколько было всего, что теплом разливалось в наших детских душах. Но моя память всё вернёт мне. Я хочу всё вспомнить. И рассказать вам, дорогие мои. Ведь эта память идёт из глубины души моей, идёт из сердца. А самая высшая благодарность маме и отцу за то, что сохранили наш родной немецкий язык. А это было сделать непросто. Ведь мы жили среди русских. Как же были они мудры, как это нам помогло позже, когда мы решились на переезд в Германию. Вместе с воспоминаниями о нашей семье уже сейчас, когда появилась возможность, часто думаю и о более далёких предках, наших прародителях. Читая историю нашего народа, поволжских немцев (слава Богу, что о ней стали писать больше и старые публикации стали доступны для чтения), я мысленно представляю своих близких, их жилище, их заботы. Их аккуратность и трудолюбие. Их набожность и законопослушание. Сколько было вложено ими труда в становление колоний. В превращение этой безлюдной степи в благоухающий сад. Я мысленно шагаю рядом с ними, наблюдая, как они работают, как общаются, как отдыхают. Я горжусь своим народом. Его организованностью, знанием своего дела. И преданностью традициям предков. Ведь за столько веков проживания в другой стране, вдали от родины, они сохранили обычаи предков, их культуру. А главное - они остались такими, какими были и их прародители. Стойкими, решительными, трудолюбивыми, верующими. Вера им помогала всегда. Она помогала и нашей семье выжить. Преодолеть все тяготы. Сохранить нашу большую семью. Пишу и вспоминаю. И трудно уже отделить, что запомнилось из прошлого самим, а что осталось в памяти от рассказов родителей и более старших по возрасту братьев и сестёр. Как мне дороги эти воспоминания. Горька была участь нашей семьи, но всё, что осталось там, за спиной прожитого, всё мне дорого. И нет в этих воспоминаниях более значимого и менее значимого. Всё важно, каждая мелочь, каждый шаг в преодолении жизненных тягот. Но были и радости. Маленькие и большие. Они одинаково дороги мне. Никогда не забыть мне те счастливые минутки, когда мама была рядом. Её ласковый голос, её руки. Её забота. Сколько выпало на её долю. Никогда не забыть мне отца, мужественного и дорогого мне человека. Сколько раз он выдерживал экзамен на мудрость и смелость. Брать ответственность на себя за большую семью, уметь скоро и правильно принимать решения. Я горжусь своими родителями. Они достойны, чтобы их помнили. Помнили потомки...

О, детство! Тебя ли мне забыть?!

Я часто задумываюсь – как наше детство отличалось от детства наших детей. Мы так рано стали взрослыми. Ведь не детскими забавами была наполнена наша жизнь, а осознанием своего маленького долга перед близкими. Мы чётко осознавали, чем мы должны заниматься, что главное тогда было в нашей семье. А главное это выжить, сохранить всех. И мы старались наравне со взрослыми. А летом, в деревне нам, детям, было особенно чем заняться. Мы думали не о развлечениях, а как помочь семье в поиске дополнительного пропитания и в поиске дополнительных средств для семейного бюджета. А

потому утром мы отправлялись в лес за ягодами. Когда ведро у кого-то наполнялось ягодами доверху, помогали друг другу. А потом с полными ведрами отправлялись домой. Два ведра вешали на длинную палку и на плечи, на всякий случай ведро завязывая рубашкой, чтобы ягоды не рассыпались. Дома ягоды переберём и на другой день ни свет, ни заря мама нас будит: «Вставать пора, идти надо!» Ведро с уже перебранной ягодой ставишь в мешок, завязываешь веревку за углы, в углах мешка по картошине, чтобы узел веревки не сползал, и сверху мешок завязываешь. Получился рюкзак.

Замечу, что летом ходили только босиком. И на огороде, и в лесу, и даже, отправляясь на базар. Кожа на подошве ног была толстая, но еловые шишки в лесу немного чувствовались. А по полю, после скошенной пшеницы идти было очень больно. А приходилось, когда колоски собирали. В то время сеяли вручную, поэтому бороздок не было. Раза два змеи за ногу меня кусали. Сразу ртом кровь высасываешь, до тех пор, пока крови не будет,

(конечно, всё выплевываешь), затем ранку мочой обрабатываешь и ею же рот сполоснешь и все. Немножко ранка покраснеет, иной раз и опухнет, поболит, но ни разу серьёзно не заболели. А змей и гадюк было много у нас в лесу. Вы сейчас могли подумать – а почему же босиком в лес-то? А что же было нам обуть? Обуви лишней не было. Не за что её было купить для всех. Адольф и я носили одну обувь в школу, то он оденет, а я иду в галошах с портянками. На другой день, чтоб не обидно было, всё меняется.

Итак, я хочу продолжить своё повествование. Идём мы с Адольфом на базар, надо продать ягоду. Базар был (напомним) в 15 км , в рабочем поселке Юрты. Продавали 200 граммовый стакан ягод за 50 копеек. Когда всё продано, спешили в магазин, надо на обратный путь было купить хлеба, для семьи макарон, сахара, иногда и комбижира. Позже, когда Адольф пошёл работать, (а пошёл он работать после 4-го класса), его сменил Петя. А чуть позже и Альберт

(моей сестры Виктории сын) с нами стал ходить. Альберт рос хилым мальчиком, только большой живот у него не уменьшался со времён зимы 1946года. Зато он был в семье самым талантливым музыкантом после Ивана. Никто не мог играть по нотам. Да их и не знали, всё играли на слух. Бывало, поставит баян на стул, а самого из-за баяна не видать, а баян будто сам играет. Он и на балалайке, на гитаре, на мандолине, на всех инструментах, которые у нас были, играл. Я уже писал, что мы жили напротив клуба. В самом клубе никаких музыкальных инструментов не было. Танцы устраивали мы, Иван играл на баяне (хотя мог на всех инструментах), Аня – на гитаре, Адольф – на балалайке или гармонии, или баяне. Петя и я не играли. Альберт мог заменять всех, но ему нельзя было поздно в клубе быть. Иногда Марья Ивановна разрешала ему и после 20 часов в клубе быть, но это были исключения. Конечно, ребята играли бесплатно, им игра доставляла удовольствие. Забегая вперед, надо сказать, что Альберт, будучи в Германии, устраивает по приглашениям одиночные концерты, играет на свадьбах и других увеселительных мероприятиях. Я хочу особо рассказать про брата Ивана. То, что он был прирожденный пастух, я уже писал, а почему он им стал?

Надо сказать, что он родился в 1933 году и когда настала пора ему в школу идти, началась война. А потом пошли скитания, материальные трудности, потому время было потеряно. Так он и остался у нас совсем неграмотным. Но я, сравнивая его с другими, пришёл к выводу, что наш Ваня - самый смыслёный в вопросах изобретения того или иного. Он пошёл в пастухи, на мой взгляд, потому, что он очень любил природу. Там, на лугах, где скот пасётся, он наблюдал за природой, любовался ею, делал весной свирели, когда кора на дереве хорошо скользила. Делал нужные в домашнем хозяйстве всякие предметы из березовой коры, например, корзины, туески, в которых можно было брать с собой на покос воду. Маслобойки, в которых масло сбивают, и другие изделия. Кроме того, он заядлый рыбак. Для ловли рыб он плёл из прутьев ивы «морду», которую сам раньше никогда не видел. А в своём воображении мог себе представить, что этим приспособлением может ловиться рыба. И всё это без посторонней помощи и подсказки. И всегда оказывался прав. Очень любил он охотиться. Ловил бурундуков, шкурки которых принимали за деньги. Было обращение государства к населению - делать всё, чтобы уменьшить размножение этих грызунов. А ловил он их собственным методом. Из хвоста конского волоса делал петли и привязывал их к длинной палке. Сидя на бревне среди бурелома, посвистывал, привлекая зверька. Вот они и бежали к нему. Когда бурундук подбегал к нему на близкое расстояние, Иван надевает ему петлю на шею и затягивал её. Позже, когда разрешили носить оружие, он купил себе ружьё и ходил на глухарей, на косачей. Брал и меня с собой. На бурундуков, на косачей, на глухарей. Мне это было очень интересно. Только утром приходилось вставать рано. Нужно было до рассвета успеть залечь на том месте, где косачи бой проводят. Рыбаком он и по сей день остался, хотя ему уже 79 лет.

А как он права на шофера получал, будучи совсем неграмотным. Все билеты наизусть учил. А комод смастерил во Фрунзе так мастерски. Можно только позавидовать. Я горжусь своим братом. Молодец Иван!!!

Не боюсь повториться, но если бы не Виктор, вряд ли бы я писал эти строки. Большой вклад в выживании нашей семьи в те страшные годы безусловно принадлежит, в первую очередь, маме нашей. А также Виктору, отцу, Виктории, Александру и Ивану. Я имею в виду первую зиму нашего пребывания в СССР, после репатриации. И если бы не такая сплоченность семьи и стремление во что бы то ни стало выжить, материнская ласка, любовь к детям, смогли бы мы ту суровую зиму 1945-1946 гг. выжить? Я однозначно говорю: «Нет, не смогли бы.» Не могу судить, кто из нашей семьи и как далеко продвинулся бы в жизни, если была бы у всех возможность получить достойное образование. Я получил такую возможность. Когда был уже женатым. Моя специальность – инженер-строитель.

Мы в колхозе

Вернусь к нашему колхозу и к жизни семьи Шмидт. Колхоз выделил нашей семье корову-нетель, как благодарность за хорошую и добросовестную работу.

Взрослые смастерили ей коровник. Напомню, что жили мы ведь на скотном дворе, где валялось много всякой всячины. Весной появился у нас бычок. А где его содержать при таких морозах? Взяли его в наше жильё, отвели ему место в углу у входа, постелили соломки и у нас появилась забота. Петя, Альберт и я должны были следить за бычком и во - время подставлять баночку. Но не всегда удавалось уследить. Тогда тот, кто был дежурным, потом убирал за ним. Потом завели овечку и она принесла двух ягнят. Тоже в жильё держали, пока потеплеет. Научили их бодать. Однажды один баранчик бригадиру колхоза, который за чем-то согнулся, так его боднул, что мы не выдержали и рассмеялись. Захар рассвирепел, пришлось барашка зарезать.

Время, проведенное в Пишете, было самое интересное в моей жизни. Здесь мы оправились от голода, здесь я провёл осознанное детство и юность. Здесь я закончил школу, здесь я начал свою трудовую деятельность. Приехала группа геологов из Ленинграда (они называли его Питером) из 4-х человек, они искали подростков для вспомогательных работ. Дело было летом, я ещё учился в 6 классе и у меня были каникулы. Не знаю, по какой причине, но всегда, когда появлялся в деревне чужой человек, в первую очередь спрашивали нас. То ли люди их к нам направляли, или то, что жили в центре, возле клуба, не знаю. Так было с кинемеханиками, которые привозили раз в неделю или реже в деревню кино, ночевали всегда у нас. За это мы бесплатно ходили в кино. И цирк в деревню приезжал, показывали вдвоём чудеса разные, тоже у нас остановились. Так вот, приехали к нам в деревню геологи-разведчики. Ну, мы с Петей обрадовались, решили немножко денег подзаработать. Задача наша состояла в том, чтобы где-то вешку подержать, или толщину дерева измерить. За водой на речку сбегать, костер разжечь. Ночевали в палатке, вечером у костра под гитару песни пели, была романтика. Если бы не мошка и комары, как было бы прекрасно в тайге, в Сибири. После окончания семилетней школы в 1954 году пошёл я работать путейцем на узкоколейную железную дорогу. По вечерам или по праздникам молодежь долго гуляла. Мы шли по улице с гармошкой. Гармонистом был конечно Адольф. А мы пели песни во всю мочь. На праздник Ивана Купала устраивали различные шалости. Например, в деревне обычно перед домом лежало дерево для приготовления дров. Одни успевали его распилить на дрова, другие не торопились или им некогда было. Так ночью, в день Ивана Купала, это дерево перекатывали на другую сторону улицы. Хозяевам теперь было далеко дрова таскать, через всю улицу, потому они, конечно, ругались. Хотя все мужики, будучи молодыми, делали то же самое. Всегда молодёжь любила и любит почудить, позабавляться. Везде она одинакова. То кому-то ворота с петель снимут и отнесут подальше, кому-нибудь в огороде напакостят, огурцы сорвут или что-то другое сделают. В деревне было два брата, конюхи, Осип и Митька Мишаковы. Осип жил с женщиной, у которой были две дочери - Валя и Тамара Журавлёвы. Их отец погиб на фронте. Осип пришёл с войны контуженный и плохо слышал. Ребята брали ружьё и как бабахнут, так он, бедный, как заорет: «Немцы наступают, спасайтесь!» и прячется. А у Митьки Мишакова был сын, наш ровесник, Колька. Так тот только пакостил, даже своему же отцу. То вожжи перевяжет,

так что отец пол часа их распутывает, то дома натворит, нам не известно что, но только слышно по деревне крик:

« Колька, где ты спрятался, выходи, все равно найду» и ищет его с кнутом по двору. В ночное любили ходить. Это было так. Конюху надо вечером отогнать лошадей на пастбище, лошади ночью пасутся, а чтобы далеко не разбрелись, им путы на передние ноги делали. Ну, табун лошадей не очень легко было гнать. Вот мы, мальчишки, с удовольствием им и помогали. Верховом на лошадях, без седла, конечно, пару лошадей с уздечками брали на себя. Это значит - сам верхом, а в руке держишь уздечки двух коней, которые бегут рядом. Туда верхом, а обратно пешком. Конюх верхом назад едет потому, что утром рано надо ему лошадей найти, собрать, путы распутать и пригнать вовремя. В конюшню они сами знали дорогу. Я все эти подробности вспоминаю с трепетом. Ведь это было детство. Трудное, но неповторимое. И хотя мы жили в русской среде, моим родителям удалось сохранить и язык родной, и наш внутренний стержень. Присущий всем немцам. За это я не устаю благодарить своих отца и мать. Во имя этой памяти я и начал писать свои воспоминания. А дети мои, спасибо им, очень меня поддерживают в этом. Конечно, в моих воспоминаниях много личного. Пишу воспоминания и будто проживаю свою жизнь ещё раз. И не только свою, а каждого. Каждого из нашей большой и дружной семьи. Сколько всего выпало на долю нашу. И такой большой пласт жизни прошёл фактически в душевной неволе. Мы всё время зависели от кого-то. От политики государства, от самодурства отдельных его представителей. От их характеров и порою просто от их настроения. И всему этому приходилось противопоставить нашу сплочённость, неукротимое желание выстоять и всё пережить. Сохранить свой родной язык, обычаи, культуру и конечно память. Не говоря уже о сохранении просто физическом. И нашей семье это удалось.

Сняты с учёта. А свободны ли мы?

Итак, наступил год 1956. Только в апреле, спустя 4 месяца, после выхода Указа от 15.12.1955 г., нам сказали, что мы сняты с учёта комендатуры. Комендант подал бланки, в которых значилось: « Мы обязуемся на прежнее местожительства не возвращаться и никаких претензий к прежним владениям не имеем». Эти бланки потребовали подписать. На вопрос - почему мы ничего не получаем на руки, в смысле, паспорта, ведь мы теперь свободные люди и имеем право свободно передвигаться - был ответ: « Все теперь в руках у председателя колхоза! Мы ничем не можем вам помочь!». Из одной клетки выпустили, а в другую заперли. Без паспорта мы снова бесправны. Что нам оставалось делать? Продолжать работать в колхозе и искать выход из положения. Какой?

Как говорится, нет худа без добра. Наш комендант Клименков после освобождения от этой должности получил должность участкового милиционера. Как-то приезжает к нам в деревню, увидел Виктора и спрашивает его: «А ты что еще здесь околачиваешься?» И он объяснил

Виктору, как ему поступить. Надо написать письмо в Президиум Верховного Совета СССР, в Москву, чтобы нам помогли получить освобождение от колхоза. Попробуй грамотно составь такое письмо? Выручила Марья Ивановна, наша учительница.

Она предложила написать письмо, которое посоветовала отвезти в Юрты, на трассу Москва-Владивосток и там сбросить его в почтовый вагон. Так Виктор и сделал.

Прошло 8 недель, Виктор получает ответ, но не из Москвы, а из районного центра Тайшет. Там стояло следующее: «Ваша просьба удовлетворена и после уборочной можете получить паспорта». В сентябре 1956г все получили паспорта, в которых стояло ограничение – «В европейскую часть страны въезжать запрещено!» Встал вопрос – куда ехать? На далекую поездку денег не было – это раз. Второе – надо куда-то ехать, где есть фрукты, чтобы поправить здоровье. Третье – надо время для поиска подходящего местожительства. Решили пока ехать на производство – лесозаготовку, где неплохо платили. Самое подходящее место было – рабочий поселок Хорлошино, который находился в 80 км. от Пишета. Все старшие уже имели опыт работы на лесозаготовках. Село Хорлошино находилось от Тайшета в 50 км, пол-дороги, 25 км было болото, а вторые 25 км в сторону Тайшета был знаменитый Чуйский тракт. Вот и пришлось ждать, пока болото хорошо замёрзнет.

Летом машину на прицепе тащил трактор до Чуйского тракта, а потом машина шла своим ходом дальше. Трактор оставался там ждать возвращения машины. Затем опять брал ее на прицеп и домой. Приехала машина за нами 25 октября. На этом закончилась наша жизнь в колхозе, в деревне Пишет. Все трудности преодолели, всё самое страшное осталось позади. Только память порою переносит во времени и пространстве. И начинаешь понимать, что забыть это невозможно. Пусть теперь и дети наши узнают, как набиралась жизненного опыта наша семья, как она выживала. В поселке жили, в основном, немцы и литовцы. Это и были наши, т.е. мои друзья. Друзья из литовцев вскоре уехали на родину. Остались немцы и украинцы. Среди них не было моих сверстников, все были старше меня на 2-3 года. Ну, в чём заключалась наша дружба и жизнь поселковая? На работе общаться было некогда, надо было работать, там и поговорить-то не удавалось. Только в машине по дороге туда и обратно. В клубе встречались на танцах, в бильярд играли, кино смотрели. При клубе была художественная самодеятельность, в которой и я участвовал. Возглавляла всю эту работу в клубе Ульзутуева, она была зав. клубом. На танцах играла музыка под патефон, а чаще всего играли на баяне Адольф или Иван наш. В январе 1959года вызвали меня на медкомиссию в Тайшет. Зима, 30 – 40 градусов мороза. Машина в Тайшет ходила раз или два раза в неделю. Ясно, что многим надо по делам ехать. Так и в этот раз. Как обычно, улеглись все в кузов, как могли и брезентом накрылись. Я лежал на чьих-то ногах, а на моих лежал главный механик Буровцев. Тяжеловес. Конечно, я уже вскоре своих ног не почувствовал. Что делать, все так лежат. Приехали в Тайшет, а я встать-то не могу, ног не чувствую. Меня шофер отвез в военкомат. Медленно начал ощущать свои ноги, затем мурашки побежали. Меня ещё отругали, что

опоздал на комиссию. Ну, как глянул врач на мои ноги и сразу мед. проверка закончилась. Выдали справку о негодности к строевой службе по статье 47 г. Статья гласит - «Расширение вен ног». Об этом я уже позже услышал от своих родственников, что я «гнилой». Раньше так судили, если в армию не взяли, то значит «гнилой». Адольф к этому времени уже служил в стройбате на Амуре. Вены моих ног конечно же восстановились, иначе меня не взяли бы позже, в 1963 году, в армию. Жизнь продолжалась. Среди жителей нашего нового места были и немцы.

На складе, например, заведующей была Шарлотта Рейх / Reich, мать моего друга Алика Рейх. Они были с Волги. С ними жила Алика бабушка, а она всё время говорила со мной на немецком языке. Алик, его братья, Виктор и Коля, да и сама Шарлотта по-немецки не могли говорить. Бабушке было приятно с кем-то поговорить на родном языке. У неё был наш диалект разговора, она мне сразу сказала: «Я слышу по разговору, что вы с Волги?» Они сами были с нагорной стороны Поволжья. Виктор был старший из братьев в семье. Он так, пару слов знал. Позже он женился на Нюсе Жигановой, которая работала в конторе начальником отдела кадров. Она была коренная жительница поселка. Вот классический пример ассимиляции. Их дети уж точно по-немецки говорить не будут. Чего и добивалась советская власть. Так три года быстро пролетели. Молодежь, в основном, разъехалась на родину. Теперь настало время и нам куда-то двинуться. Виктория писала с Алтая, что собираются с Сашей переехать во Фрунзе. Мы тоже начали готовиться к отъезду из Хорлошино. Завершая описание этого временного промежутка, задумался – сколько мы исколесили дорог. Может, у кого-то была более стабильная жизнь, даже и на спец поселении, но нам вот такая была уготована судьба. Жить часто «на колёсах»...

Снова в пути. Но уже свободными

И вот мы снова в пути, получив долгожданное освобождение. Кому-то, возможно, не совсем понятно, почему мы так часто переезжали, просто добровольно переезжали. На каждом конкретном участке времени была своя причина. На этот раз я понимаю своих родителей – им очень тяжело досталась Сибирь. Много сил и здоровья отняла она у нашей семьи. Тем более, что сюда нас привезли подневольно. Суровый климат, отношение к немцам как к чуждому элементу, постоянная борьба за выживание. Условия, которые никак не способствовали нормальному развитию детей. Получению образования. Всё было за переезд. Да ведь мы и не одиноки были в этом. Переезжать нам не привыкать. Но этот переезд означал для нас что-то новое, загадочное. Ведь впервые мы едем в страну, где хозяевами являются мусульмане. Как они нас, русских немцев, примут? Откуда нам было знать, что судьба российских немцев в 1941г. уже была predetermined, также было predetermined и отношение мусульман к нам. Нигде, ни в каких СМИ, не сообщалось об отъезде российских немцев. Собрались и поехали. Никакого багажа у нас не было. Пару узелков в руки, детей малых нет. Адрес мы имели на руках. Как по этому

адресу добраться, каким автобусом, мы не знали. Надо сказать, уехали мы зимой и одеты были по-зимнему, естественно. Приехали во Фрунзе, а там уже около 20 градусов тепла. Спросили у людей, как туда добраться. И это было не так просто. Покрутили немало. Но добрались до нужного адреса. Аламедин это пригород Фрунзе. Я нашёл себе работу на стройке, почти рядом. Возле речки Аламединка, которая отделяла город Фрунзе от Аламедина, начали строить междугородный Автовокзал. Так как я не имел строительной специальности, взяли меня подсобником. Кому кирпич, кому раствор подать. Любое начало тяжело. Но важным для семьи было жильё. Но чтобы так было тяжело с этим, мы не знали. Да и откуда нам было знать это? Эту величайшую всесоюзную, городскую проблему с жильём. Через некоторое время прошёл слух, что будет строиться камвольно - суконный комбинат, на котором будет работать 5000 человек. Слухи подтвердились. Пошёл узнать, но принимали пока на разные работы по организации строительства комбината. Закладывали и сад фруктовый. Меня взяли трактористом для обработки сада. Главный инженер стройки был немец, Иван Федорович Эгк. А я был в его непосредственном подчинении. Подошло время трактор получать. У нас в Хорлошино были только трактора С-80, Сталинец-80. Другие трактора мы в Сибири не изучали и не видели никогда. А тут пришел тракторишка маленький, но удаленький. С гидравлической системой. Заводится от аккумулятора при нажатии на кнопку. Я говорю: « Иван Федорович, такого трактора я еще не видел!» А, он мне:

« Думаешь, я видел! Он же из Германии пришёл, у нас таких еще нет, не бойся, сейчас в бумагах посмотрим, как он заводится». Бумаги – это паспорт трактора на немецком языке. Ну, мой Иван Федорович начал тужиться в чтении немецкого. Я глянул на буквы, а там-то совсем другие, не такие, как в книге «Сказки братьев Гримм». И подумал: « Как же мы с нашим красавцем разберёмся, если уж два немца разобраться не могут. Вот как нас советская власть довела, родной язык, а читать не умеем». Иван Федорович просмотрел все чертежи, которые были в упаковке, обошёл кругом нашего красавца. Трактор был и в самом деле игрушечный, красивый, цвет красный, а колёса и подвеска сзади чёрным покрашены. И говорит мне: « Садись за руль! Проверь передачу. Выключено? Проверь тормоза! Вот ключ, вставь в скважину и поверни направо! А теперь нажми на эту кнопку!» Я нажал и ничего. Молчок. Иван Федорович догадался и заулыбался, говорит:

« А, аккумулятор кто будет подсоединять?» Открыл капот, а там действительно, провода к аккумулятору не были подсоединены. Теперь нажми на кнопку. Смотри-ка ты, что-то закрутилось, но не завёлся. Иван Федорович опять под капот полез и зовет меня: «Смотри, краник от топливного бачка перекрыт, открывай и заводи». Наш красавчик завёлся со второго раза. Мы оба были в восторге. Съехали с платформы вагона. Вагон стоял перед настилом на одном уровне, как и платформа. Вот так состоялось мое первое знакомство с немецкой техникой. Моя зарплата на камвольном комбинате была очень низкой. Я поговорил с Иваном Федоровичем насчет повышения зарплаты. Ничего не предвидится, - сказал он мне и посоветовал сменить работу. Надо что-то делать. Но что? У меня ведь есть права тракториста. Пошел в дорожно-

строительное управление (ДСУ). В ДСУ № 1 взяли меня на работу в отделение укладки асфальта. На каток, закатывать только положенный асфальт. Работа была интересная, на природе, но пары (дым, от горячего асфальта) тяжело было выносить. А летом вообще дышать нечем было. Проработал я так до осени 1961 года. Пошёл просить другую работу. Дали. На бульдозере делать новые дороги. Отправили в командировку в Казахстан. За 120 км от дома. Местность называлась как-то странно - Сухобезводное. Нас было 5 бульдозеристов, шофёр и пожилая женщина-повар. 4 бульдозера и один грейдер. Больше ни души, ни селения, ни аула, ничего. Кругом только степь и степь. И сразу песня вспомнилась « Степь да степь кругом!» Трактор – бульдозер мне знаком, а как на бульдозере работать не пробовал. Ничего, научимся, подумал тогда я! Работали мы 3 недели подряд без выходных, на четвертой неделе работали только в четверг до обеда, а потом на машине домой. В понедельник снова уезжали на работу. Весной тут была такая красотища, кругом, куда ни глянь, всё красно от распутившегося дикого мака, а чуть позже, тюльпанов. Любил я этой красотой любоваться. Это были незабываемые мгновения. Часто думаю – как бы не было человеку плохо, всегда находилась какая-то отдушина. Не зря говорят: «Красота спасёт мир». И я с этим абсолютно согласен. Ведь человек – часть природы. Не может он нести в себе злобу, жестокость, насилие. Не для того он создан. Но надо вспоминать дальше. Так я проработал до лета 1962 года. Дорогу закончили. Командировка закончилась. Меня опять посадили на каток, асфальт катать. Затем предложили снова командировку. Снова один, без семьи. Надо искать другую работу. Конечно, мне хотелось быть рядом с семьей, видеть как растёт сын Валерий, с ним заниматься, играть. Ему был уже 1 год и 9 месяцев. К этому времени он уже ходил и мог объясниться. Валера рос умным ребенком. Рядом с камвольно - суконным комбинатом начали строить ТЭЦ (тепловая электростанция). Меня взяли на работу монтажником. Близко от жилья, в этом плюс, но очень опасная была работа. Работа на высоте. Хотя мы и работали с монтажными ремнями, но иногда случалось, что ребята обрывались и падали с высоты. Весной 1963г пошёл в профсоюз спросить, а какова моя очередь на квартиру. «В ближайшие 7 - 10 лет вам квартиры не предвидится», - ответили мне. Да. Трудная ситуация. В конце октября получаю повестку в военкомат на комиссию. 12 ноября 1963 года, в мой день рождения, призывают меня в армию. Ну, понятно, прощание, слёзы. Собрали нас, допризывников, во дворе военкомата и повели строем на вокзал. Там стоял поезд с пассажирскими вагонами. По спискам рассадили по вагонам. Поехали. Каждый был погружён в свои думы. В вагоне как-то тихо стало. Я залез на среднюю полку и погрузился в свои думы. Взяли бы меня в свое время тогда, в 1959г, может, не было бы так больно и обидно, как сейчас, уезжать на службу в армию. В 1959г. погоревала бы только мама. А сейчас мама, жена и сын. Где справедливость? Есть ли она вообще? Так или примерно так рассуждал я, лёжа на полке вагона. Хотя отлично понимал, что это долг каждого мужчины. А поезд нёс нас в неизвестность. Мы даже не знали, куда нас везут. Сопровождающие нас сержанты нам не говорили, куда мы едем. Не понимаю, что за секрет был? На вторые сутки езды прошёл слух, что сегодня будем

проезжать реку Волга. Для меня, в мыслях моих пронеслось сразу - мамина родина. Ночью, уже в первом часу, поезд подошёл к Волге. Все бросились к окнам посмотреть на матушку Волгу. Мне со средней полки было хорошо видно всю ширину этой величественной реки. Так вот она какая, Волга - малая Родина моей семьи Шмидт / Шпехт! Много нам, детям, мама рассказывала про свою Родину – Поволжье. После долго не мог уснуть. Был весь в воспоминаниях. О семье моей, о семье Шмидт, о детстве, которого и не было... И так грустно стало, что я лежал и тихонечко плакал, слёзы бежали и я не мог их остановить. Не помню как, но незаметно уснул, погружённый в свои печальные думы. К вечеру четвертого дня подъехали к Москве, но Москву объехали с северо-западного направления. Определил по солнцу. Уже поздно вечером остановился поезд в городе Долгопрудный. Как потом выяснилось, это была наша база. Отвели строем сразу в баню. Там сидело несколько солдат-парикмахеров. Приказали раздеваться догола, дали нам рюкзаки, туда мы сложили свои домашние вещи. А потом наголо всех подстригли. Дали каждому по кусочку мыла и в баню мыться. После баниходишь к окошку, каптёрщик выдаёт тебе обмундирование. Всё по твоему размеру, какому скажешь. В поезде с некоторыми ребятами уже познакомился. А после стрижки не узнать никого. Завели в казарму, переночевали. В поезде выдавали нам сухой паёк. На следующее утро подъем, в столовую и на линейку. Подошли «покупатели» и по списку выкрикивали фамилии. Нас 30 человек отвели на электричку и отправили ещё севернее, в город Клин. Между городами Клин и Дмитров находилась деревня Рогачёво, там стояла наша воинская часть 92924. Мы от Москвы были в 100 км и потому относились к Московской области. Наша воинская часть – это ракетный дивизион войск ПВО

(противовоздушная оборона города Москвы). Командиром в/ч был полковник Менченко, а командиром дивизиона - майор Попов. После представления у майора Попова направили меня в сержантскую школу, которая была на базе, в Долгопрудном. Тут прошёл я курс молодого бойца и параллельно обучали на сержанта. Через 6 месяцев вернулся в свою часть в звании младший сержант. Майор Попов назначил меня командиром отделения по заправке ракет сжатым (до 400бар) воздухом. У нас была 5-и минутная боевая готовность. Моя служба, в основном, состояла из дежурств. Там мы спали, туда же нам привозили и еду. Через две недели нас заменяли другими, мы - в казарме, а другая смена - на дежурстве. При боевой тревоге дежурная смена была через 5 минут в боевой готовности. А из казармы приходилось делать 20-и минутный пробег. Зимой часто приходилось выезжать и дозаправлять ракеты воздухом. Летом в жару, наоборот, приходилось воздух стравливать (выпускать). На ЗИЛ 157 стояли две дизельные установки с компрессорами. Одна действующая, другая запасная. Тут был я первым номером, а второй номер подсоединял шланги к ракете. Он же являлся и водителем машины. Все ракеты стояли всегда в боевой готовности. За состоянием ракет следили другие отделения. Ракеты были накрыты брезентовыми кожухами и только при тревоге или при инспекции они снимались. В моем отделении было два немца - Пётр Вольф и Володя Шнайдер

из Караганды, один киргиз Джумабаев из Фрунзе, три гуцула – Кишлалы, Гайдаржи из Молдавии, (третьего – фамилию забыл), Саша Долгошея из Одессы, Барабашкин из Луганска, Николай Комков и Валерий Варенников из Орехово-Зуево, Николай Таралёв из Ленинграда и Степан Чудайкин из Москвы. Я, как командир отделения, должен присутствовать на комсомольских собраниях. Но я, а также Шнайдер и Вольф не были комсомольцами. Мы не хотели вступать ни в комсомол, ни в партию. Меня вызывали к парторгу и к комсоргу, но я твердо стоял на том, что не достоин быть ни комсомольцем, ни партийцем. Но на комсомольские собрания всё равно приглашали. Как же иначе, там ведь мои подопечные. В июне получил краткосрочный отпуск на 10 дней домой. Пошел в военкомат и продлил еще на 2 недели свой отпуск, за это получил в части строгий выговор. Но мне было всё равно, главное побыл подольше с семьёй.

4-го ноября 1966года демобилизовался. Прослужил ровно 3 года. От звонка до звонка. Затем, после меня, срок службы сократили до двух лет. Так прошли 3 года в моей жизни. Вернувшись из армии, пошёл работать на Киргизский камвольно-суконный комбинат (ККСК). После армии решил пойти учиться. Я чувствовал потребность в дальнейшем обучении, понимал, что мне не хватает приобретённых в школе знаний. И понял ещё и другое. Я могу работать с людьми, я могу занимать руководящую должность! Этому я в армии научился да и был убеждён, что мне многое по плечу. Значит, все-таки не зря прошли мои армейские годы. Что-то в моей голове пробудилось! Посоветовавшись с женой, решил поступать в вечерний техникум лёгкой промышленности. Почему именно в этот? Первое - он находился у нас в городе. Второе - во Фрунзе было две трикотажные фабрики и ККСК. На мой взгляд достаточно, чтобы найти на этих предприятиях достойное место работы. Вступительные экзамены сдал без проблем. Осенью 1967года начал учиться в вечернем техникуме и продолжал работать в ККСК слесарем по отоплению. На втором курсе моей учёбы в нашей семье произошло приятное событие. 12 декабря 1968 года в семье появилась наша дочь Светлана. Жизнь продолжается.

Мечта о Германии

Вот так мы и жили. Подрастали дети. Потихоньку забывалось прошлое. Затягивались раны в душе. Как будто-бы жизнь налаживалась. Но нет. Как мы могли забыть про нашу мечту, Германию! Нашу историческую родину. Как я уже упомянул, весной 1969 года отправляется делегация российских немцев на разведку в Эстонию. С ними поехали и мои братья Виктор, Александр и Петя, для чего взяли себе специально отпуска. А я учился. Приехали назад, домой. Поездка оказалась успешной. Собрались все семьи Шмидт. Братья доложили, что местность и перспективы, как для работы, так и для достижения нашей цели хорошие, что эстонцы дружелюбно к немцам относятся. Отец сказал: „Nichts, wie weg von hier! Ich will nicht hier unter den Moslems beerdigt werden!“ (как можно скорее уезжаем, я не хочу быть похоронен здесь, среди мусульман). Надо сказать, что в это время наш отец был безнадежно болен. Почему отец

наш так отреагировал? В то время ни я, ни мои родные не знали причину, высказанную в то время моим отцом. После ознакомления с историей немцев Поволжья, с набегами киргиз-кайсаков на поволжские колонии становится причина такого решения понятна. Ведь киргиз-кайсаки уничтожили две родные колонии наших предков - колонию Келлер и Лейтзингер. Из этих двух колоний и образовалась колония, в которой родился папа в 1894 году.

По-видимому раны, нанесенные киргиз-кайсаками в далеком 1774-76 годах, ещё долго преследовали наших предков. Воспоминания тех времен сохранились до 20 века. Может, больше мог бы нам рассказать отец о тех временах, если бы его мы тогда спросили. Но время не повернуть вспять. Остаётся только изучать оставленные историей документы и предполагать..., как оно было. Наверное, причина и не только в этом, а ещё и в той обиде, которая поселилась в сердцах моего народа. Ведь сколько он натерпелся за все эти века пребывания в России! Моя семья из 4 человек, мои родители, брат Саша с семьей из 5 человек и Петя с Эммой и ее матерью 18 августа 1969 г. тронулись в путь. По ж/д доехали мы до станции Пыльва 21 августа 1969 года. А 20 августа у папы был день рождения, ему в тот день исполнилось 75 лет. Там встретили нас люди из строительной организации МЕК и отвезли на хутор Вески. К этому хутору относились три двора, баня и коровник. В двухэтажном доме нас разместили. Нам нужно было по лестнице подняться на второй этаж. Папа сказал, что не может, ему было плохо, надо в больницу или к врачу. Его отвезли в больницу в местность Ихимару. А 27 августа 1969 года папы не стало. Дожил и умер на христианской земле. Похоронили мы его на общем кладбище в Пыльва. В 1996 году мы ездили из Германии к нашим друзьям и навестили могилу отца. Так отец не смог больше свою Родину увидеть.

Мы, т.е. Петя и я с семьями, переехали в Совхоз-техникум Янеда / Jäneda. В то время рабочие требовались везде. Наше предприятие «КЕК» находилось на севере Эстонии, вблизи узловой ж/дорожной станции Тапа. Здесь строилось здание сельскохозяйственного техникума. Янеда находилось на главной ж/дорожной трассе Таллинн-Ленинград. До Таллинна поездом было 80 км, 1,5 часа езды. От Янеда до Тапа 10 минут поездом.

От совхоза до ж/д станции было 10 минут пешком. Миниатюрное, красивое, чистое и всё в зелени местечко Янеда. Посреди села находилось чистое озерко, вытянутое в виде морской волны. Через озерко проходил полуовальный мостик, с которого кормили форелей и диких уток. В стороне от мостика, на берегу озерка, стояла будочка, в которой жила пара белых лебедей. И парк отдыха. Нам повезло с квартирами. Только что сдали жилой 8-и квартирный дом в эксплуатацию. Он не был ещё заселен. Нам дали по двухкомнатной квартире в разных подъездах. Дали маленькие участки земли, на которых мы сажали или сеяли по мелочи. Всё было открыто, ничего не пропадало. Сын Валера пошёл учиться в Тапа и жил в интернате при школе. В Тапа было много военных, поэтому там была русская школа. Шёл январь 1970 года. Петю и меня взяли на стройку каменщиками по 3-му разряду. А после сдачи экзаменов присвоили обоим четвертый разряд. Зарплата повысилась. Весной я подал заявление в Таллиннский политехникум на

строительный факультет(на заочное отделение). Теперь, вспоминая то время, прожитое в Эстонии, я понимаю, почему мне так там нравилось. Ведь Эстония во многом напоминала мне Германию. Чувствовался Запад. Архитектура, чистота, порядок, культура. Как в столице Таллинне, так и в Тарту были „Einkaufsstraßen“, улицы, на которых шли сплошь магазины. Весной 1970 посылают Петю и меня в командировку в городок Пайде, лежащий юго-западнее. Рядом с Пайде находился маленький городочек Тюри, в котором жило много российских немцев. От них мы узнали, что наши люди уезжают в Германию. Мы тоже начали думать об отъезде в Германию. И кое-что предпринимать. В июне 1973 года закончил я заочную учёбу и получил диплом инженера-строителя. Стройка в Янеда шла к концу. Со мной училась латышка Надежда Ламмас, муж которой был эстонец. Жили они в Раквере. Довольно-таки большой, по эстонским меркам, городок. Вамбола Ламмас был главным инженером строительной организации КЕКа. Когда Вамбола узнал, что я немец, то он на чисто немецком языке начал со мной разговаривать. Оказалось, он был во время немецкой оккупации в отряде добровольцев, помогающих немцам. За что и был сослан в Воркуту на угольную шахту. Там он и познакомился с Надей, своей будущей женой. Она также по этой же статье отбывала срок. Хотя была в то время еще ребёнком. Она родилась 23.10.1936года. Советская власть никого не щадила. По ходу учёбы мы подружились с Вамболой, который часто посещал наши сессии в Таллинне. Он предложил мне пока работу бригадира строительной бригады в Раквере.

1 августа 1973года Татьяна и я увольняемся с работы и переезжаем в Раквере. 6 августа я уже работаю бригадиром каменщиков по 5 разряду. Получили трехкомнатную квартиру на 4-ом этаже в центре города. Дом только сдали, мы - первые поселенцы. Улица Комсомоли,3. Рядом базар и автостанция. Вблизи - средняя русская школа, обувная фабрика, мясокомбинат, магазины и другие учреждения, станция ж/дороги. Военный городок. Жители, в основном, военнослужащие. Вот такие пути пришлось преодолеть нашей семье. Но мы знали свою цель. Мы должны вернуться на родину своих предков. Всё было подчинено этой цели. Мы хотели оставаться немцами. Все места, где мы жили, а это была русскоязычная среда, всё более и более ассимилировала нас. Потому передвижение нашей семьи было оправдано. Мы шли долго и настойчиво. Это было желание наших родителей. И я благодарен им за это. Они вели нас правильно. Было невероятно трудно. Ведь, трогаясь с места и приезжая на новое, нужно было начинать всё сначала. Обживаться, привыкать, приспособливаться. Но мы выдержали всё. Всё преодолела наша семья.

Германия, родина моя

В 1976 году мы уже – в Германии...

В аэропорту Франкфурта на Майне встретили нас представители Немецкого Красного Креста. На руках у них были списки с нашими именами. Отвели нас в помещение, накормили. Затем провели к ж/д вокзалу, который оказался под одной крышей с аэропортом. Это меня приятно удивило. Ещё

удивило и то, что поезда подходящие и уходящие тоже находились под крышей. Подошёл наш поезд, посадили всех нас в вагон, передали наш поименный список проводнику вагона. Поезд тронулся. Где-то в 2 часа ночи 20 мая нас предупреждают подготовиться к выходу. Приехали, поезд стоит только 2 минуты. Высадились. Нас тут же встретили работники миграционной службы из лагеря Friedland. Усадили в машину и повезли в лагерь. Как всё чётко отработано! Тут нас встретили уже другие люди и отвели в бараки по комнатам. В комнате стояли уже заправленные кровати. Всё было готово к отдыху. Утром в 7 часов нас будят и приглашают в столовую завтракать и сообщают распорядок дня. В этот день был выходной. Было воскресенье. После завтрака пошли гулять. Надо сказать, что этот лагерь построили для возвращающихся военнопленных в 1945 году. Здесь им был сооружён памятник. Посмотрели витрину магазина, но магазин был закрыт. Чего там только нет! Мне нужны были ботинки. Мои новые купленные ботинки перед отъездом раскисли под проливным дождем в Москве. На следующий день купил себе сандалии, это была моя первая покупка в Германии. 21 мая, утром, пошли по кабинетам для оформления документов. Здесь нам выдали регистрационную карточку и карточку Heimkehrer / возвращённого домой. Затем пригласили меня на беседу. Что-то в документах не соответствовало моим показаниям.

Меня ещё раз спросили моё имя, имена родителей, братьев и были ли мы в Германии в военное время. Позже-то я понял, что они сверяют моё имя. В тот момент я не знал, что отец тогда, в 1942 году, записал моё имя как Альберт, а я говорю, что меня зовут Альвинус. Все данные по моим показаниям сходятся, а имя моё нет. Я должен был получить Heimkehrerbescheinigung / Свидетельство возвращённого домой.

Прошли медицинское освидетельствование. Пробыли в лагере Фридланд 3 дня, до 24 мая. 24 мая отправили поездом в другой лагерь – Unna Massen, возле Дортмунда. Везде нас встречали люди из Красного Креста. Здесь происходило дооформление документов. Здесь пробыли мы 3 недели.

Затем нас отправили туда, куда мы сказали, а именно, в город Эссен. Это был лагерь для переселенцев, в котором мы прожили 2 с небольшим года. Лагерь находился на улице Шниттервег, 22, в районе города Эссен-Дельвиг.

Июнь 1976 года. Дочку Свету сразу определили в дет-садик, она месяц походила в него и начались каникулы. Но за месяц, проведенный в садике, доченька сумела научиться лепетать по-немецки. Иностранные языки ей легко давались. А тут ведь иностранный язык является родным языком. Как его не полюбить? За время каникул она с подружками по лагерю до начала школы научилась уже хорошо говорить. Подружки её были 5 сестёр из Польши, которые жили по соседству. Они прожили почти 2 года в лагере и уже хорошо говорили по-немецки. Многие использовали этот лагерь как трамплин к своему постоянному местожительству. Из лагеря искали себе работу и если находили, то и жильё искали там же, вблизи. После каникул поехал сын Валерий в город Опладен на курсы немецкого языка. Через месяц или полтора, на осенние каникулы, приехал домой. Теперь он мог уже поправлять мою немецкую

поволжскую речь. Я был за него спокоен. Мы гордились им. Как-никак ему исполнилось 28 сентября 1976 года 16 лет всего. Возраст, когда многие сбиваются с колеи. Но наш сын не поддавался искушениям, не пошёл по ветру. Он взял покруче, по тяжелее дорожку, ведущую к вершине. Света пошла в первый класс, учительница была ею очень довольна.

Я ходил ежедневно по учреждениям, оформлял документы. Сделал маме и брату Виктору вызовы и отправил. К концу года, а именно в свой же день рождения, 27 декабря, приехал Александр с семьей. Ура, теперь мы не одни! Он проделал тот же путь, что и мы в своё время. И в середине января 1977 года прибыл в г.Эссен, на улицу Шниттервег, 22. В конце января 1977года приехала наша мама. Осенью от биржи труда направили нас на курсы немецкого языка. Проучились там 3 месяца. Это было пустое времяпрепровождение. Закончились курсы немецкого языка, которые мне лично ничего не принесли. Мы больше праздновали, чем учились. В апреле предложили мне от Арбайтсамта курсы на повышение квалификации инженера-строителя в Дортмунде. Два брата из Польши и я с ними ездили 5 раз в неделю на протяжении 8 месяцев на машине в Дортмунд. Этот курс был для меня важен по трём причинам. Первое понятно – узнать методы западного строительства и новейшую технику, одним словом, повысить свою квалификацию. Второе – нам надо как можно дольше прожить в лагере. Почему? Объясню позже. Третье – курсы приравнивались к работе, платили гораздо больше а, в конечном итоге, увеличивается и пенсия. На курсах было мне очень интересно. Мы встречались с представителями разных фирм. Знакомились прямо на фирмах с новой техникой, которая появлялась на рынке. Занимались сметой / калькуляцией. Учились, как работают или как ведутся работы на свободном рынке. Ведь знали же мы только, как работает плановое хозяйство. А тут всё другое, всё по-другому. Проучились мы так до 15 декабря 1977года. Вот и второй наш новый год, 1978. Что он даст мне и моей семье?

Почему нам так важно было подольше прожить на улице Шниттервег, 22 ? У нас в семье было пополнение. 18 июня 1977 года родился наш третий ребенок, Эрнст. Наша семья стала называться многодетной. Нам на консультации у женского врача подсказали написать заявление на постройку дома. Давали большие льготы на строительство. Что мы и сделали. Дома строились под ключ в городе Боркен. Дом будет готов в конце года. Какой смысл был бы взять где-нибудь квартиру и переехать. А затем через пару месяцев опять переезжать в свой дом. А так мы здесь экономно жили и копили деньги для приобретения мебели. 16 октября 1978 года переехали сразу в свой дом. Город Боркен находится в 50 км от Эссена, до границы с Голландией всего 13 км. Что ещё произошло за 1978 год? В сентябре 1978 года приехали в Германию сразу два моих брата. Виктор и Адольф с семьями. Их вместе из Унна Массена напрямик направили в экспериментальный лагерь Вальдбрёлль. Там проходили они курсы немецкого языка, а затем подготавливали их к работе на свободном рынке. Оттуда мои братья Виктор и Адольф с семьями переехали на постоянное местожительство в тогдашнюю столицу ФРГ Бонн. С тех пор и живут они в Бонне. Новый 1979 год встречали у нас в доме, в Боркене. Были

все наши, жившие в то время в Германии. Мама, Саша, Виктор и Адольф с семьями. С рождением моего последнего (ребёнка) сына - Эрнста, замкнулась история моих предков и моей семьи. Прошло 211 лет с момента выезда 04.07.1766г. Элиаса Шпехт из Германии (по материнской линии) и рождения моего сына 18.06.1977г в Германии. Круг замкнулся. Не знал и не ведал я, что займусь генеалогией - иначе назвал бы сына Элиасом. К сожалению, не могу выйти на моих предков Шмидт, который из четырех претендует на моего первопоселенца в колонии Келлер или Лайтзингер?

Вот на этом пока я хочу поставить точку. Мои воспоминания касались больше личного. Я умышленно не стал обсуждать политические события в СССР, его международные отношения, которые, естественно, имели прямое отношение к жизни каждого гражданина, в том числе и меня, моей семьи. Более 35 лет я живу уже в Германии, можно считать половину своей прожитой жизни. Пройшла она здесь, на нашей исторической родине. И ни разу я не пожалел, что я и моя семья здесь. Здесь мы – немцы. Мои дети состоялись как личности. Они в совершенстве владеют родным языком. Здесь – их родина. Но историю нашего рода они не забудут. Память о наших предках будет передаваться и внукам.

Она будет вечна. Я не писатель, не историк. Я простой человек, а потому написал так, как мог. Я очень рад, что дороги меня привели сюда, на этот форум и сайт. Я многое узнал и ещё буду узнавать. Ведь познание истории нашего народа – процесс длительный. Буду считать, что я ещё в пути.